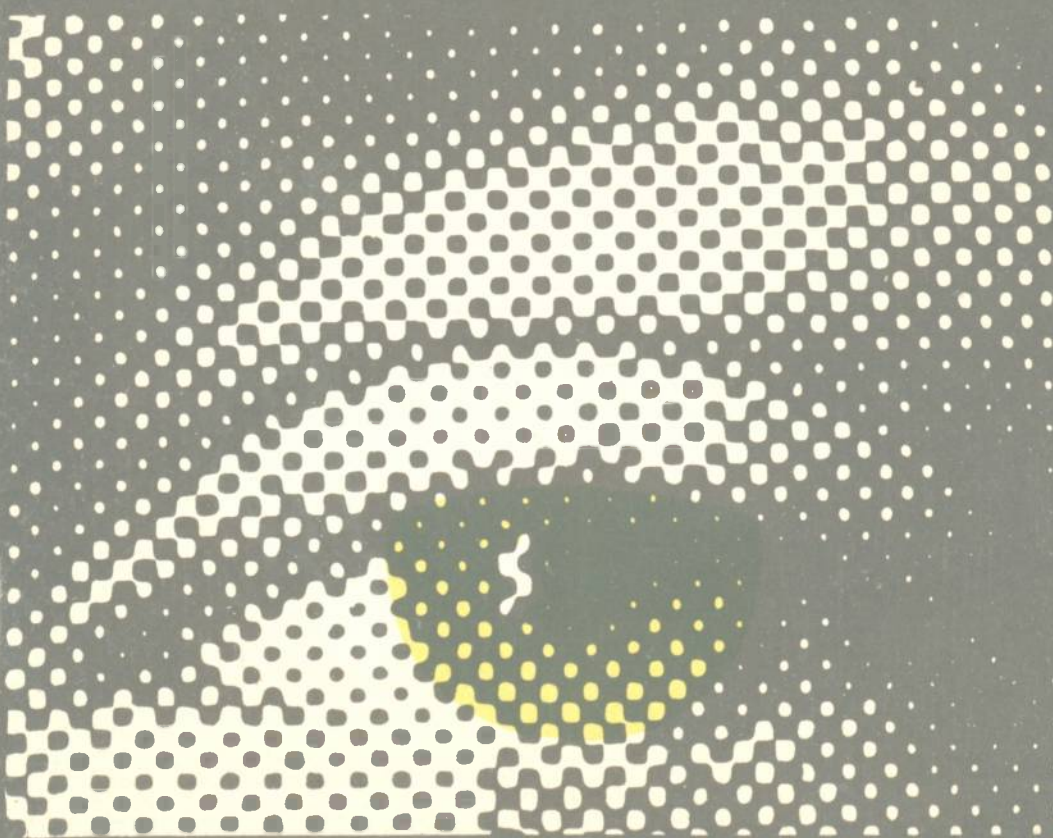

Журнал для семейного чтения

ЛАД

7-8/1992

1992. 47-8

**Вам НУЖНА реклама?
Нет! Вам нужна
РЕКЛАМНАЯ КАМПАНИЯ!**

**К вашим услугам —
газета «КРАСНЫЙ СЕВЕР» и приложения к ней:**

«ЛАД» — журнал для семейного чтения;

«ВОЛОГОДСКАЯ НЕДЕЛЯ» — рекламно-информационная газета;

«ДЕЛОВАЯ ВОЛОГДА» — еженедельное издание для предпринимателей Вологодской области;

«ПОДВОРЬЕ» — газета для фермеров и дачников.

Разовый тираж всех изданий — свыше 140 тысяч экземпляров. Это значит, что вашу рекламу прочитают практически все жители Вологодской области!

**САМЫЕ НИЗКИЕ РАСЦЕНКИ НА РЕКЛАМУ
среди большеформатных газет области —
ТОЛЬКО В «КРАСНОМ СЕВЕРЕ» И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЯХ:**

- один квадратный сантиметр — 25 рублей (включая НДС и 5-процентный местный налог на рекламу);
- полоса формата А-2 (страница «Красного Севера») — 35 тысяч рублей;
- 1/2 полосы — 18 тысяч рублей;
- 1/4 полосы — 10 тысяч рублей.
- Рекламодателям Вологодской области предоставляется скидка.
- За повторные объявления в течение месяца — скидка для всех: 20 процентов.

Телефоны в Вологде: 5-22-25, 2-04-61, 2-02-72.

Факс: 5-22-47.

Наш адрес: 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Монастырь выдержал долгую борьбу с веками. И всего за каких-то несколько последних десятилетий был разрушен почти полностью...

Елена и Олег ЮШКОВЫ. «Под покровительством святого Корнилия», стр. 2.

Сюда влетел ... какой-то малый, направил пушку на мистера Барнабла и его помощника, выгреб все, что было у них в сейфе, и отвалил, наступая по дороге на людей, которые возникали у него на пути.

Дэшил ХЭММЕТ. «Несообразность», стр. 13.

Не понимаю, почему я не застрелил вас, как только вошел.

Джек РИЧИ. «Вкус убийства», стр. 22.

— Я собрал вас, чтобы сообщить, кто убийца мистера Хэнкса.

Антон ЯНКОВСКИЙ. «Выстрела никто не слышал», стр. 24.

— Не знаю, какими были первые его два желания, но в третий раз он загадал собственную смерть...

Вильям ДЖЕКОБС. «Обезьянья лапка», стр. 32.

Едва Ипат коснулся головой подушки, в избе сделалось светло как днем, даже светлее, будто луна закатилась в окошко...

Михаил ЖАРАВИН. «Четыре черных петуха», стр. 40.

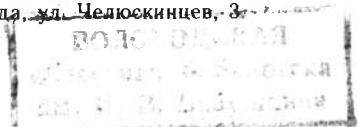
Обложка художника Сергея ИЕВЛЕВА

Редактор А. К. Сальников

Редколлегия: В. Д. Елесин, С. И. Зайцева, Е. В. Некрасов, Л. В. Паншев, К. Л. Файнберг.

Адрес редакции: 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Телефоны: 2-53-21, 2-02-72.

ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ СВЯТОГО КОРНИЛИЯ

Правдивая история,
рассказанная исследователями двух веков

Давно уже померкла слава Корнильевского курорта. Стерт с лица земли и Корнилиево-Комельский монастырь, основанный в 1497 году в 6 верстах от уездного города Грязовца.

Но все течет и течет минеральная железистая вода с уникальным составом около бывшего монастыря. Течет из двух источников, покрывая ржавчиной трубы и русло ручья.

Вот только никого она больше не лечит, никому не приносит облегчения. А когда-то...

«Первый источник открыт очень давно, еще в 1765 г.»⁴, «...хотя монастырские летописи впервые упоминают о целебном колодце, будто бы копанном самим угодником Корнилием»². «В глухие леса, к берегам реки Нурмы, в 1765 г. прибыл сербский офицер Иван Хорват, проживающий как ссыльный за государственное преступление в Вологде... Но первый анализ воды был произведен гораздо позднее — только спустя 62 года — 1827 г.»⁶.

«28 мая, когда была сухая и теплая погода, отправился для осмотра и испытания воды, в сих ключах находящейся, провизор и содержатель привилегированной Вологодской аптеки Федор Штрук»¹. «По исследованию оказалось, что в 1 фунте аптекарского веса содержится: смолистых веществ — $4\frac{1}{4}$ грана, поваренной соли — $14\frac{1}{4}$, кремниевой земли — $6\frac{1}{4}$, углекислого железа — $4\frac{1}{4}$, глинистой земли — $9\frac{1}{2}$, углекислой извести — $25\frac{3}{4}$, экстрактивных веществ — 6, углекислый и серноокислый газы им предполагались. После того времени, как я слышал от старожилов, вода колодца стала чаще посещаться, особенно богомольцами, верующими в чудодейст-

венную силу святости копанного угодником колодца и весьма немногими из больных, далее об нем стали забывать и постройка вокруг начала опускаться. Долго бы, может, целебные силы воды еще оставались в неизвестности, если б вологодский доктор г. Соколов в 1874 г. не обратил на них внимания и не отнесся к земству для содействия ему в устройстве купален»².

СОКРОВИЩА,
УТРАЧЕННЫЕ НАВСЕГДА

*Таким был Корнилиево-Комельский монастырь еще в начале нашего века.
А на нижнем снимке — то, что от него осталось...*

«Только в 1877 году по частной инициативе доктор Соколов из Вологды основал первый «ванный павильон»⁶.

«И с тех пор известность Корнилевских минеральных вод постепенно возрастает»⁴.

«Корнилевские воды плодотворно действуют на многие болезни. Так, с успехом излечиваются или значительно облегчаются золотуха, разные формы ревматизма, застарелые катары, малокровие, истерия, неврастения, женские болезни, параличи, цинга и т. п.»⁴.

«Кроме водолечения, Корнилев монастырь полезен для больных как деревня со всеми ее летними качествами: чистый влажный воздух, отсутствие городского шума, сука, полная свобода от обыденных занятий — все это благотворно влияет на организм больного»³.

«Летний сезон, или, точнее говоря, съезд больных, начинается с первых чисел июня. С этого же времени начинает свою деятельность приглашаемый на каждое лето повар, готовящий для всех желающих кушанья... Отъезд больных происходит обычно в половине или конце августа...

Минеральных источников при монастыре два, один на берегу Нурмы, другой на берегу Талицы»⁴. «Второй источник, находящийся на северо-западе, на берегу реки Талицы, был открыт в 1885 году. Судя по анализам, он по химическому составу еще более богат»⁶.

«Над источниками сооружены деревянные часовни-павильоны с помещениями для ванн. У Нуромского источника имеется приспособление для нагревания минеральной воды и устроено помещение для 8 тепловых (цинковых) ванн и для 3 холодных (деревянных). На Талицком источнике только два помещения для холодных ванн (деревянных)... Оба источника обильны водою и могут обслуживать очень большое количе-

ство больных: Нуромский дает в час около 600 ведер, а Талицкий — еще более — около 900...

Температура воды в обоих источниках приблизительно одинакова и в самое жаркое время не бывает выше 5—6 градусов по Реомюру. Вода на вид совершенно чистая, прозрачная, без запаха, с железистым вкусом; постояв на воздухе, вода мутится и выделяет окись железа...

Специального врача при монастыре не имеется. Обыкновенно больные пользуются советами врачей г. Грязовца... На наем собственного врача монастырь не имеет средств, т. к. плата за помещения, ванны и т. п. назначена самая умеренная и лишь только окупает содержание всех учреждений минеральных источников.

С течением времени количество приезжающей публики все увеличивается. За последнее время число посетителей за лето доходит до 400—500 человек, одновременно прибывающих — до 200 и более.

Для помещения больных монастырем устроено 5 деревянных зданий гостиничных домов, где за помещение в 1—2 комнаты взимается плата 15—20 рублей за лечебный сезон или в месяц от 4 рублей и более с прислугой и самоваром.

Кругом того, запоздавшие больные ежегодно помещаются в соседней, расположенной почти подле монастыря, деревне Талице, в избах крестьян, по цене не дороже монастырской.

На водах для потребностей приезжающих существует лавка, где можно достать все необходимое или заказать через нее в Грязовце.

Стол можно в некоторых случаях иметь свой, но преимущественно его получают от приглашаемого каждое лето повара. Стоимость обеда из двух блюд колеблется около 45 коп., отдельных блюд (порциями) около 40 коп.

Почта в монастырь получается ежедневно, телеграммы непосред-

венно по получению. Сообщения с вокзалом удобны и быстры. Со стороны Волги в Грязовец поезда приходят два раза в сутки, утром — около 4 часов ночи и днем — около 3 часов. То же и из Вологды. К каждому из этих поездов подъезжает значительное количество городских извозчиков в удобных экипажах и направляющихся в монастырь доставляют туда немедленно за плату около 80 коп. — 1 рубль. Конец со станции в город стоит 20 коп.

Способ пользования водами заключается в приеме ванн — теплых и холодных, и питье воды из источников. Берется плата только за ванны — 5 копеек за холодные и 20 — за теплые.

Каких-либо установленных правил, подчиняющих образ жизни пациентов общему строю на Корнилиевских водах, не существует. Не существует также каких-либо развлечений, так что жизнь пациентов принимает отпечаток простоты монастырской жизни. Эта свобода и независимость, с одной стороны, а простота с другой — несомненно, имеют успокоительное и вместе с тем благотворное влияние на самочувствие больных и образуют около Корнилиевских источников контингент серьезных, не гонящихся за суетою светской и курортной жизни пациентов, в общем, обладающих скромным достатком⁴.

«Однако эти положительные условия все более и более исчезают. Образ жизни в гостинице, наполненной приезжими с поварскими, кухмистерскими обедами, сильно напоминает неприютную жизнь больших городов и проявляет те же недостатки как относительно помещения, так относительно питания. Прогулки затруднены болотной и глинистой почвой, так что мало можно найти удобных для прогулки мест, да и сама местность однообразна. К этому надо прибавить значительную сырость, исходящую от реки и болот, проявляющуюся по

вечерам холодной росой, — что и мешают вечерним прогулкам. Жизнь в окрестных деревнях более похожа на сельскую, но зато далее ходить на ванны и особенно неудобно возвращаться после теплой ванны... Тем не менее некоторые постоянные посетители предпочитают жизнь в деревне. Главное же местное неудобство — отсутствие врачей при заведении, а следовательно, неправильное направление всего способа лечения, тем более, что на Корнилиевских водах применяется только один способ водолечения — это ванны минимум от 5 и максимум выше 30 градусов по Реомюру.

Наконец, необходимо указать еще на одно «условие», признаваемое и высоко ценимое многими больными, — это покровительство угодника божия Корнилия, многие приезжают в монастырь не с целью выдержать там систематическое лечение, а помолившись угоднику, только выкупаться в воде источника⁵.

«Но в 1929 году, когда вышло постановление о закрытии всех монастырей, сюда тоже пришли люди в кожаных куртках и выселили монахов. Здесь сделали коммуны для бедняков — не пустовать же... И началось сначала разорение, потом — разрушение. Сейчас от огромного монастыря остался только один дом. Здесь нынче другие обитатели: в здании находится областная психиатрическая больница № 2.

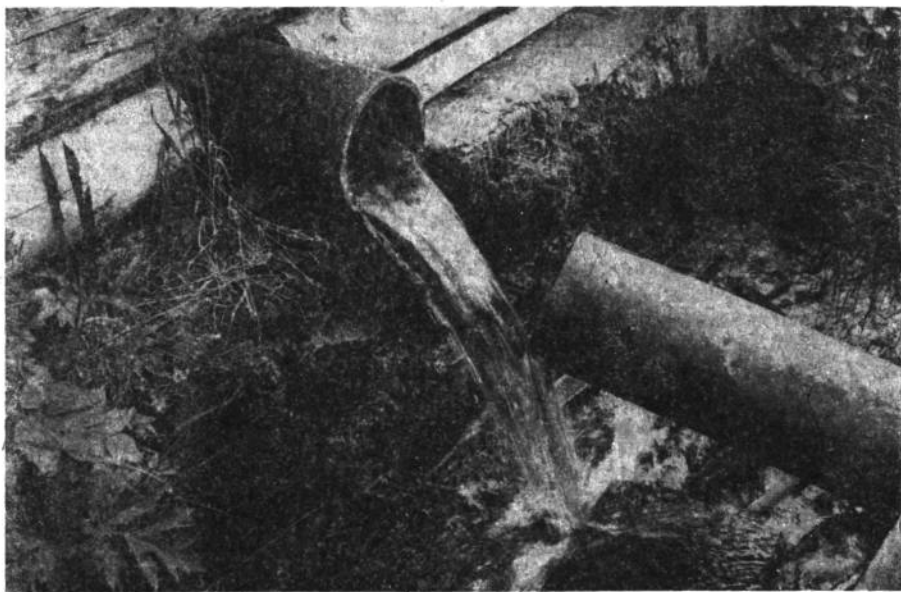
Давно заросли прекрасные аллеи. Бесхозная вода льется из заржавевших труб. Но, несмотря на полное разорение, здесь все еще чувствуется былая гармония человека и природы. И даже когда, продираясь сквозь бурьян по пояс, идешь по длинной аллее, испытываешь ни с чем не сравнимое чувство покоя...

Монастырь выдержал долгую борьбу с веками. И всего за каких-то несколько последних десятилетий был разрушен почти полностью...»⁷.

Историю Корнильевского курорта рассказали:

1. Вологодские губернские ведомости.— 1824, № 18.
2. В. Волоцкой. Несколько слов о минеральных источниках вообще и о Корнильевском в частности.— Вологодские губернские ведомости, 1877, № 1 (3 января).
3. Наш Север (путеводитель).— Спб, 1897.
4. Настоятель игумен Антоний. Корнильевские минеральные источники.— Вологда, 1905.
5. Краткий путеводитель по Вологодской губернии.— Вологда, 1915.
6. А. Шишин. Полвека Корнильевского курорта.— Красный Север, 1928, № 180, 4 августа.
7. Е. Мельникова. Мимо разрушенного храма.— Вологодский комсомолец, 1989, 15 октября.

Сведения собирала Елена ЮШКОВА,
фотографировал Олег ЮШКОВ.

Нет больше здесь ни монахов, ни богомольцев, ни курортников; но течет и течет из трубы целебная вода... Для кого? Для немногочисленных здешних обитателей? Для случайных посетителей этого запущенного, но по-прежнему поражающего красотой места? Как знать... А, может быть, источник хранит себя, словно зная: придет время — и вспомнят о нем люди, снова придут за исцелением, с верой и надеждой. И обретет новую жизнь здешнее сокровище, утраченное было навсегда. И потому не останавливается поток ни на минуту — ведь только неостановимое движение делает эту воду целебной. Живой.

ВЫТЕГОРСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Портрет первый — семейный

ХОРОШО У ДАНЬШИНЫХ...

Золотую свадьбу в 1979 году вытегоры Василий Иванович и Мария Яковлевна Даньшины праздновали с приключениями. Глава семьи заартачился: «Рано еще, мол, не время. Финскую отвоевал, всю Отечественную дома с женой-детьми не был — долой эти годы, минусуй. Вот и выходит, что рановато еще праздновать, потерпеть надо годков шесть...». Но Мария Яковлевна — супруга с характером, да и дети издаലെка понаехали, «уговорили» жёниха уступить... На пятидесятилетие супружеской жизни трое дочерей и сын подарили родителям платяной шкаф, а вот фотографии с праздника не получились. Так уж жаль...

— Мария Яковлевна моя — золотая, — говорит Василий Иванович. — Я ведь ее не искал далеко, раньше-то не ездили, в огороде выбирали, не в хороводе... В своей деревне Максимова под Вытегрой и приглянул. Шустрая такая, быстрая, и хохотунья вдобавок. Вот 3 февраля двадцать девятого года и обженились. Сейчас жалко, что не в церкви венчались, ну, да ведь тогда переворот всех обрядов был. Так что мы попросту, по-комсомольски.

Работал Василий Иванович бухгалтером в сельпо. За хорошую работу подарили ему бобриковый отрез на костюм. В 1929—1931 годах участвовал в ликвидации неграмотности среди женщин в деревнях Куркинского сельсовета, выучил тридцать пять человек. А Мария Яковлевна детишек поднимала — до финской-то их уже трое народилось.

Война для семьи Даньшиных на-

чалась в 1939 году, когда Василия Ивановича призвали на действительную — и в Финляндию. Шестого января сорокового года их часть попала в окружение, а выходили аж двадцать восьмого февраля. Прошел солдат Даньшин и всю Отечественную, закончив ее на острове Бронхольм в Балтийском море, но финскую — «неизвестную» войну, как ее еще называют, — вспоминает чаще.

Особенно то, памятное окружение. Питались кониной, потом — ктб чем, норма через две недели окружения — со спичечный коробок. Огня вести не разрешали, а если уж столкнешься с неприятелем нос к носу — стреляй, но наверняка.

— Оружие у них хорошее, вообще — специалисты воевать финны. Не наше горе, — вспоминает Василий Иванович. — Сначала жили в землянках человек по десять-пятнадцать — и тесновато вроде, а потом по два-три человека только и осталось... Врач — женщина из Ленинграда — одна на всех; так что, ранят если, ковыляй сам в медсанбат. Там его все-таки и зацепило — и после выхода из окружения попали солдаты «неизвестной» войны в госпиталь города Орджоникидзе.

— Помню, врачи да сестрички все удивлялись: какая война да откуда раненых столько? — вспоминает Даньшин. — Документов о ранении так до сих пор не восстановил. А по выздоровлению в июне сорокового «наградили» — вручили пустой дорожный чемодан. Так что только год с семьей и пожили, следующим летом — опять на войну...

Проводив мужа, перебралась из Вытегры Мария Яковлевна на родину, в Максимово, вместе с тремя детьми: все среди родных полегче. Взяли коровушку — очень в войну помогла, ведь на трудодни положено тогда было четыреста граммов хлеба. Так и работала всю войну — без выходных, рядышком — дети. Успевала.

С хозяйством Даньшины не расстаются. На восьми сотках и сегодня посадили картошку и огурцы, морковь, лук и чеснок, держат козочку, сами заготавливают сено, а для внучат — всегда готово варенье.

Часов в восемь вечера ужинают, пьют чай, читают свежие газеты и журналы. Только вот опаздывать газеты начали.

— Пошел к начальнику почты, — делится обидой Василий Иванович, — прошу разобраться. А он в ответ: «Куда ни обращайся — везде так работают». Во начальники пошли! — удивляется Даньшин. — Тут хоть золотого президента посади — хорошего не ожидаю. А когда подгонять надо да тянуть за веревочку, это уж не работа...

Сам-то хозяин встает в четыре

утра — и за водой к колодцу. Потом самовар разогреет, а тогда уж и жену поднимает. Приболела немного Мария Яковлевна — вот ее хлопоты и взял на себя.

А бриллиантовую свою свадьбу Даньшины не праздновали. Ждали детей с внучатами, да вот разбросало всех по свету — в Латвии и Карелии, Ленинграде и Архангельске — далеко добираться.

— А как бы спокойно было, — даже всплакнула Мария Яковлевна, — если бы хоть кто из деточек да рядом жил... Соскучилась уж очень по ним, редко вижу.

— Приедут, — успокоил хозяин и, шутиливо подтолкнув плечом хозяйку, присел рядышком с ней на диванчик — сфотографироваться «для истории».

— А платок-то, Мария Яковлевна, сними — да и не суетись больно: ты у меня — красивая, а вместе мы куда как разлюбезная пара.

И вот перед вами семейный снимок четы Даньшинных — на шестьдесят четвертом году совместной счастливой жизни: июнь, 1992 год, Вытегра.

СВОЯ ЗЕМЛЯ

— Мы на аренде с 86-го года, — рассказывает Валентина Николаевна Никифорова. — А уж как я ее пробивала... Желающих-то было немало, да наш колхоз — «Земледелец» — у всех пыл отбил. Но на мне споткнулся!

О том, что Вытегорскую ассоциацию фермерских хозяйств возглавляет женщина, мне в местном бюро занятости населения сообщили. И добавили: «Если бы у нас все фермеры такими были — народ бы о хлебе не беспокоился». Хотели из бюро к Никифоровой направить бригаду на сенокос, помочь; но она отказалась: нет надобности. «Сами справимся, у нас все механизировано. А вот строителей на лето взяла бы. Коровник строить, дом новый закончить...»

В хозяйстве у Никифоровой пятеро: муж, два сына да невестка с малышом. А как справляются?

— Все спят, а мы с четырех утра на работе. Заканчиваем к полночи, — такой вот она мне выдала простой секрет. — Конечно, без техники бы никуда.

Проблем у крестьян немало, и поодиночке выжить трудно. Вот и появилась в районе ассоциация фермеров, возглавила которую В. Н. Никифорова — кстати, бывший старший лейтенант милиции. Объединились семнадцать крестьянских хозяйств, чтобы помогать друг другу: каждое отчисляет в ассоциацию небольшие взносы.

— При необходимости мы можем чей-то срочный долг покрыть, — объясняет Валентина Николаевна. — А то ведь все сейчас на кредитах... Российское правительство выделило на развитие фермерства шесть миллиардов, а где они? Все выискивать

приходится, выбивать. Еще я вот чего не пойму: вроде бы крестьянские хозяйства с момента регистрации освобождаются от налогов на пять лет. А при покупке техники мы налог на добавленную стоимость платим!

Тут проблемы, там препоны... Что же за прелесть в работе такой — ни отпусков, ни выходных, ни громадных денег? Спросил об этом хозяйку.

— Как — что? — искренне удивилась она. — А земля-то своя...

И так это она сказала, что я понял: все трудности кажутся временными тем, у кого своя земля. В нее и труда никакого не жалко вкладывать. Земля долги отдаст, в корысти не подозревает. Только — работай...

Георгий АНДРЕЕВ.

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЯМИ

Конечно же, вы обратили внимание на необычную нумерацию этого номера нашего журнала. Впрочем, необычна такая «двойная» нумерация одного номера только для нашего журнала: многие издания, стремясь выжить, свести к минимуму убытки, выпускают двойные номера, а то и тройные. Мы надеялись, что сумеем обойтись без этого. Не вышло...

Наверное, многие наши читатели прекрасно знают, в какое тяжелейшее положение попали сейчас газеты и журналы, так что не будем долго распространяться о наших тяготах. Скажем только, что себестоимость одного номера сейчас, в середине июня, когда готовится к печати та книжка «Лада», которую вы держите в руках, составляет около четырех рублей. Скорее всего, к тому моменту, когда номер дойдет до подписчика, она возрастет. Так что уменьшение числа номеров — это не прихоть редакции, не стремление нажиться на подписчиках (журнал наш, к слову, убыточен — надемся, пока); это — печальная необходимость.

Только не думайте, что это — начало конца. Дескать, сначала один номер вместо двух рассылают, а потом и вовсе выходить перестанут...

Нет, «Лад» издаваться будет. Редакция твердо намерена обьявить подписку на 1993 год. Конечно, стоимость одного номера журнала возрастет рублей до 7—8 (точнее пока сказать трудно). Это, как нам кажется, вполне разумный предел, мы ведь понимаем, что наши подписчики — люди в основном небогатые. Но сумма около девяноста рублей за двенадцать журнальных книжек — разве это много? Меньше, чем иной детектив стоит; меньше, чем бутылка водки... Зато чтение — на весь год.

Как бы ни была важна финансовая сторона, за счет подписчиков редакция свои экономические проблемы решать не собирается. Решающим будет читательское отношение к журналу. Нужен вам «Лад» — значит, и существовать он будет. Нам очень важно знать, каким хотят видеть журнал его читатели. Все ли в нем сейчас устраивает вас? Что, на ваш взгляд, лишнее — а чего, может быть, не хватает? Какие необхо-

димо произвести изменения в структуре журнала, чтобы он полнее отвечал вашим требованиям? Надеемся, что читатели сообщат нам, что они думают о «Ладе» сегодняшнем — и каким хотят видеть его в будущем.

Редакция благодарит всех, кто нам пишет. Многие — как, например, вологжанка Л. Мизгирева — обеспокоены судьбой журнала: «Сомневаюсь, что получу ответ на свои вопросы,— пишет она,— так как нет гарантии, что буду получать ваш журнал до конца года. Растут цены, в том числе и на подписку. Ряд журналов уже предупредил подписчиков о переоформлении подписки: а как ваше издание?»

Уважаемая Любовь Георгиевна! Ответы на ваши вопросы вы найдете в этом номере «Лада» — наш корреспондент задал их начальнику управления здравоохранения администрации области И. А. Позднякову. И журнал наш до конца года вы получать все-таки будете. Правда, из-за известных всем трудностей придется «сдвигать» не только седьмой и восьмой номера, но и последующие, вероятно. Учитываем необходимость экономить — чтобы в будущем году выходить аккуратно и в том объеме, который запланирован.

Читатели нередко высказывают нам свое мнение о журнале. Большинство принимает его таким, каким он уже сложился. Но мы прислушиваемся не только к одобрению.

«Журнал делится как бы на две части,— считает Н. М. Стафеев из Вытегры.— Первая — христианские проповеди, заповеди, молитвы (это хорошо!), а вторая — детективы, причем зарубежные, в которых убийства, грабежи и насилия, т. е. прямо противоположное. К чему это? А что между этими частями? Крупницы, мелкие заметки вроде тех, что печатают «Крестьянка», «Здоровье», «Умелые руки»...

А где умная воспитательная сказка для детей (с продолжением)?.. Вы часто обращаетесь к прошлому. Это тоже хо-

рошо! Но всегда ли разумно это делаете? Так, говоря о «забавах и потехах» молодежи в прошлом, чуть ли не умилились тому, как молодежь замораживала снаружи двери у соседей, разбрасывала поленицы дров и т. д. Пусть это так и было. Но если к вашему «совету» прислушается теперешняя молодежь? Каково будет, положим, пенсионеру, с трудом укладывавшему осенью дрова в поленицу, снова их собирать по полену? Тут надо знать меру, говоря о прошлом.

Далее. У вас уклон в восточные районы области. Как там делали, как говорили, праздновали, работали и т. д. Не забывайте и про наши районы! Например, о Николае Ключеве, нашем славном земляке, вы еще не обмолвились ни одним словом. А разве он не заслуживает этого?

А то пишете про архангельский Вельск — он от Вологды уже «отрезанный кусок».

Седьмой номер посвящается «криминальным, таинственным, ужасным, загадочным историям». Кому-то это понравится. Но тогда не надо спекулировать добрым именем журнала, заимствованным у В. И. Белова».

Письмо большое, пришлось дать его с некоторыми сокращениями (честное слово, критику мы оставили; убрали те немногие добрые слова, что нашлись у Николая Михайловича в наш адрес). Сурово он к нам относится, что говорить.

А вот справедливо ли? Да, журнал наш печатает разные материалы — но разве противостоят они друг другу? «Лад» и задумывался ведь как издание, в котором каждый сможет найти себе что-нибудь по душе: любители детективов и народные умельцы, интересующиеся православием и историей, дети и их родители... Может быть, впечатление случайности соединения материалов под одной обложкой создается из-за того, что невелик объем журнала; может быть, следует повнимательнее отнестись к подбору публикаций в разделе «Книга в журнале»... Но идея-то нашего журнала была в многосторонности его, разнообразии публикуемых материалов. Думалось, что они будут не противоречить, а дополнять друг друга; была надежда, что человек, купивший номер «Лада» ради детек-

тива, заодно пробежит глазами и раздел «И ныне, и присно» — а, пробежав, может быть, заинтересуется, читается... А любитель краеведения, истории, взглянув в раздел «Книга в журнале», найдет в нем на несколько минут отдых, привлечение, занятое чтение. Ведь мы печатаем такие рассказы и повести, в которых преступление — лишь повод для демонстрации возможностей интеллекта сыщика. Это не пособия для начинающих правонарушителей, а своеобразные загадки, задачки для ума, упражнения для смекалистых.

Наверное, есть среди наших читателей и те, что думают не так, как Н. М. Стафеев. Что же это, могут они сказать, обещали весь номер — детективно-таинственный, а печатаете о каком-то источнике, про каких-то вытегоров, да еще про страховую медицину... Нам это неинтересно несколько!

Неинтересно — что ж, перелистайте бегло — и погружайтесь себе в любимые тексты! Только, если подумать, разве история о бьющих несмотря ни на что в глуши источниках с минеральной водой — не таинственна? Разве не составляет загадки нынешнее положение в медицине: все разваливается, а врачи нас еще лечат?... Так что и эти материалы — тоже, если подумать, можно к таинственным историям отнести.

А если серьезно — то к этому нас вынуждает наше положение: выпуская один номер вместо двух, материалы-то пропущенной книжки журнала мы не можем не напечатать!

Кстати, о названии. Понимаем, что в сознании многих оно ассоциируется прежде всего с книгой Василия Белова; но разве Василий Иванович это слово придумал? Если мы его и «заимствовали» — то уж никак не у знаменитого писателя. Да и задача журнала вовсе не исчерпывается той, которую В. И. Белов ставил перед собой, когда писал свою — замечательную, что говорить — книгу. Он стремился рассказать, что у русской деревни была своя культура, своя жизнь, не менее значительная, чем в городе; что традиции, уклад деревенской жизни составили основу русского национального характера и пренебрегать ими — значит отрицать самобытность России.

В то время, когда беловский «Лад» печатался (еще в журнале), говорить об этом было... ну, не то, чтобы запре-

шено — не принято. И автору важно было показать те стороны деревенской жизни, что разрушались принятое в советское время представление о крестьянах как о людях темных, забитых, недалеких. Так что идея книги — скорее политическая, нежели этнографическая.

Да ведь и сам Василий Иванович говорил об этом. Когда его спрашивали, почему в его книге — только о поэзии деревенской жизни, и ни слова нет о ее недостатках, он отвечал: «Я ведь про лад писал, а не про разлад...»

Конечно, и наш журнал пишет о старых обычаях, о древних умениях, о предках наших. Понимать такие материалы как руководство к действию — серьезно ли?..

Но, рассказывая о ладе в жизни бывшей, мы хотим способствовать, по мере скромных наших сил, восстановлению его в жизни нынешней. Как и раньше далеко не все было безоблачно, так и нынче не одна ведь чернота беспросветная кругом...

Почти случайно сошлись в одном номере письмо читателя, сетующего на то, что «Лад» о жителях западных районов области не пишет, и «Вытегорские портреты». Это, скорее, не об оперативности нашей говорит (хотя редакция старается выполнять, насколько это в ее силах, все разумные пожелания читателей); это — еще одно свидетельство стремления журнала писать обо всем интересном, хорошем, что есть на Вологодчине. И не только на Вологодчине! Вряд ли стоит замыкаться на нашей области. Неужели не интересно о соседях наших узнать? В той же Архангельской области столько мест, о которых мы знаем незаслуженно мало — гораздо меньше, чем о загранице, а о которой нынче столько везде говорится, и так уж хвалебно... «Лад» будет и дальше рассказывать о

российской глубинке, о ее людях, истории, достопримечательностях. Кстати, и о Вытегре надеемся рассказать поподробнее, и о Николае Клюеве публикация обязательно будет.

Вернемся к основному вопросу Н. М. Стафеева: каким образом могут сочетаться лад — и детективы, жуткие разные истории? Так ведь жизнь-то наша не из одной серьезности состоит, правда? И занятия всякие вроде бы легкомысленные, и развлечения (к числу которых, несомненно, относится «легкое чтение») — все это не только украшает жизнь, делает ее легче, приемлемее. Все это, наряду с более почтенными вещами, — составляет нашу жизнь. Так зачем делать вид, будто все мы выше развлечений и только о том мечтаем, как бы поучительные тексты изучать?

Сегодняшний номер, как мы и обещали, почти целиком состоит из разного рода таинственных и загадочных историй. И, чтобы Николай Михайлович и его единомышленники не очень на нас сердились, сошлемся на авторитет.

«Жизнь страшна и чудесна, а потому какой страшный рассказ ни расскажи на Руси, как ни украшай его разбойничьими гнездами, длинными ножиками и чудесами, он всегда отзовется в душе слушателя былью, и разве что человек, сильно искусившийся на грамоте, недоверчиво покосится, да и то смолчит». Это — Антон Павлович Чехов написал. Уж его-то в несерьезности, наверное, не упрекнешь — как и в непонимании того, что читателю нужно и интересно.

Приятного вам чтения!

Редакция «Лада»

НЕСООБРАЗНОСТЬ

Папа был, хотя, возможно, кое-кто и упрекнет меня в неучтивости, явно не в духе. Он так выпятил, глядя на меня из-за стола, свой подбородок, что эпители «грубый», которым наградил его однажды какой-то рассерженный журналист, подходил ему сейчас как нельзя более: а в усах его точно желчь разлилась — во всяком случае у меня сложилось именно такое впечатление. Конечно, усы его на самом деле вряд ли могли претерпеть какую-либо перемену — их цвет, в каком бы папа ни пребывал настроении, всегда бросался в глаза.

— Так ты, значит, не оставил свои дурачества?

На столе я заметил письмо, прикрытое папиной ладонью. Судя по необычной форме и цвету — от редактора «Жонглера»; несколькими днями раньше я послал ему сонет.

— Если ты имеешь в виду мое сочинительство, — почтительно, но с достоинством заговорил я. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как мне исполнилось тридцать, и я полагал, что имею право на свободу в выборе занятия, даже если это занятие не очень то приятно папе. — Если ты имеешь в виду мое сочинительство, то смею тебя заверить, папа, что никакие это не дурачества, а совершенно серьезное дело.

— Но какого же... — Если я, передавая папины выражения, иногда их искажаю, то это, прошу поверить, вовсе не потому, что моему родителю свойственна некая непоследовательность мысли; дело в том, что он зачастую находит нужным пожертвовать любезностями ради того, что он называет живостью выражения. — ...Какого же... ты кропаешь стишки? Или больше не о чем писать? Господи, Робин, да ты бы мог приготовить несколько толковых, серьезных статей о нашем деле — таких, которые представили бы публике нашу работу во всей ее красе и одновременно послужили бы нам хорошей рекламой.

— Человек пишет то, к чему у него склонность, — не слишком уверенно, как

то уже было не раз, начал я. — Вдохновению не прикажешь.

— Флоренс!

Не хочу сказать, что папа проревел это слово, но более мягкие синонимы совершенно не годятся для того, чтобы в точности передать силу звука, которую он вложил в новое имя нашей стенографистки — отец заявил, что будет назы-

ДЕТЕКТИВ:

классика

жанра

вать ее именно так и никак не иначе.

В дверях появилась мисс Куинен, поведшая себя на этот раз несколько странно: вместо того, чтобы направиться к папиному столу с той шумливостью легкомыслия и самоуверенности, которой, как уверяет склонная к преувеличениям пресса, отличаются секретарши, она так и осталась стоять в дверях, ожидая дальнейших приказаний.

— Флоренс, проследите, чтобы на мой стол впредь не попадала корреспонденция, имеющая отношение к рифмоплетству моего сына.

— Хорошо, мистер Тин, — ответила она голосом удивительно коротким для человека, привыкшего разговаривать с папой, точно она была членом его семьи.

— Дорогой папа, — попробовал было возразить я, когда мисс Куинен удалилась, — я и впрямь думаю...

— Не смей называть меня дорогим папой! И вовсе ни о чем ты не думаешь! Тот, кто думает, не станет таким.

Бессмысленно повторять здесь папины слова, большей частью совершенно безрассудные. Даже глубокое чувство сыновней преданности не могло сдержать возмущения, которое — и я это чувствовал — не могло не отразиться на моем

лице. Но я выслушал все молча, и когда он, сделав нажим на последних словах, швырнул мне письмо из «Жонглера», я удалился к себе.

В письме, которое попало папе на стол из-за небрежности редактора, не дописавшего после нашего имени «младшему», речь шла о сонете, уже упомянутом мною, — о сонете под названием «Притворные слезы». Редактор полагал, что заключительное двустушие — и он приводил его в своем письме — не соответствует, как он деликатно выразился, моему обычному уровню, и просил это двустушие переделать, поточнее соотнося его с тоном предыдущих строк, для которых, по его мнению, тон этот был чересчур серьезен:

*Нелепее, чем блеск рождественского
шара
На мертвой ветке мрачного
анчара.*

Я вспомнил, вытаскивая словарь рифм из-за тома «Криминальной психологии» Гросса, где я, ради спокойствия в семье, его обычно прятал, что я сам был не особенно доволен этими двумя строчками, но, как ни бился, ничего более подходящего найти так и не смог. И вот сейчас, заслышав полуденные заводские гудки, я вытащил копию сонета, отпечатанного на машинке, и собрался посвятить спокойствие часа, отведенного на ланч, созданию нового сравнения, которое выразило бы необходимую несообразность в ином, легком свете.

И я отдался этой задаче, до такой степени погрузившись в нее, что когда я услышал, как папа зовет «Робин!», да еще с такой силой, что три разделяющие нас перегородки начали дрожать, то словно очнулся, подозревая, что зов, донесшийся до меня, был далеко не первым. Мое подозрение подтвердилось, когда, убрав бумаги и книги, я поспешил к нему в кабинет.

— До того увлекся чириканьем пичужек, что и меня перестал слышать?

Но это была лишь показная грубоватость, глаза его светились радостью, и я уже почти знал, что он скажет дальше.

— Барнабла ограбили. Дуй туда что есть мочи.

Магазинчик ювелирной компании Барнабла находился в шести кварталах от нас. Не прошло и пяти минут, как папа отдал свое короткое распоряжение, а я,

воспользовавшись подошедшим трамваем, уже был на месте. Магазинчик занимал часть нижнего этажа «Бульвер Билдинг» с северной стороны О'Фаррелл-стрит между Поуэлл- и Стоктон-стрит. Рядом с магазином, в нижнем этаже того же здания, к востоку, в сторону Стоктон-стрит — «Галантерея» (в витрине я, между прочим, заметил красивый бледно-лиловый халат), парикмахерская и табачная лавка, а к западу, в сторону Поуэлл-стрит — главный вход и вестибюль «Бульвер Билдинг», аптека, шляпный салон и закусочная.

У дверей ювелира я увидел полицейского в мундире. Он был занят тем, что не давал любопытным — большей частью это были, вероятно, служащие, вышедшие на перерыв, — скапливаться на тротуаре и входить в магазин. Растолкав зевак, я кивнул полисмену — не потому, что был с ним знаком, просто опыт научил меня, что дружеский кивок зачастую избавляет от ненужных расспросов, — и вошел в магазин.

Там уже находились сержант-детектив Холи и сыщик Стронг из департамента полиции. Первый держал в руке темно-серую кепку и небольшой пистолет — предметы эти, похоже, не принадлежали никому из тех людей, с которыми детективы сейчас беседовали и среди которых я тут же узнал мистера Барнабла и его помощника, другие два мужчины и женщина были мне не знакомы.

— Доброе утро, джентльмены, — обратился я к детективам. — Могу я принять участие в расследовании?

— А, мистер Тин!

Большегубый рот здоровяка Холи, казалось, не принимал ни малейшего участия в формировании слов, он лишь узкой щелью приоткрывался, чтобы выпустить их, неряшливые и стертые, так что разобрать их стоило немалого труда. Сейчас, как и всегда, когда мне случалось заговаривать с ним, на лице его было неумовленное насмешливое выражение, точно ему хотелось чем-то досадить мне, и вообще, у него сейчас был вид такой, будто в каждом моем слове и действии он находил нечто забавное. То же самое отношение ко мне сквозило и в подчеркнуто-вежливом «мистер», которым он неизменно предврал мою фамилию, между тем как папу он называл просто Бобом — фамильярность, которой я откровенно завидовал.

— Об этом же я и толкую своим ребятам: участие — это как раз то, что нам нужно, — продолжал упражняться в своем тяжелом остроумии сержант. — Какой-то мошеник обчистил этот магазинчик. Расследование мы почти закончили, но вы, как я вижу, из тех, которые умеют хранить тайну, а потому я не возражаю — можете покопаться в грязном белье, как мы говаривали в добром старом Гарварде.

Мне пока еще было не дано вникнуть в причуды сержантского ума, и я не знаю, почему принадлежность к вышеупомянутому учебному заведению вызывает у сержанта Холи такую смешливость; мне трудно также понять то удовольствие, которое он находит в постоянном употреблении этого названия при мне, который, как я уже не раз втолковывал ему, учился в совершенно другом университете.

— Произошло, по всей вероятности, следующее, — продолжал он. — Сюда влетел, причем в единственном числе, какой-то малый, направил пушку на мистера Барнабла и его помощника, выгреб все, что было у них в сейфе, и отвалил, наступая по дороге на людей, которые возникали у него на пути. Затем рванул по Поуэлл-стрит, вскочил в какую-то машину и... что бы вам еще хотелось знать?

— Когда это произошло?

— Сразу после двенадцати, мистер Тин, самое позднее, минуты в две первого, — сказал мистер Барнабл. Он приблизился ко мне и стал рядом. Его карие глаза расширились от возбуждения, но следов смятения на его круглом смуглом лице не было — от кражи он был застрахован в компании, которую представлял сейчас я.

— Он приказывает нам с Джулиусом лечь на пол за стойкой, опустошает сейф и, пятясь, выходит. Я велю Джулиусу подняться и взглянуть, ушел он или нет, но тут этот человек в меня стреляет. — Плоским пальцем мистер Барнабл указал на дырочку в задней стене под самым потолком. — Больше я Джулиусу вставить не разрешил до тех пор, пока не удостоверился, что грабителя уже нет. Тогда-то я и позвонил в полицию и в вашу контору.

— Был ли в магазине к моменту появления грабителя еще кто-нибудь, кроме вас с Джулиусом?

— Нет. Минут, наверно, пятнадцать к нам никто не заходил.

— Будьте добры, опишите мне его, мистер Барнабл.

— Лет примерно сорока, крепкий на вид, вашего примерно роста и такой же комплекции.

Рост и вес у меня средний, и комплекция моя скорее средняя, так что в известном смысле и я выглядел похожим на грабителя, и все же, на мой взгляд, ювелир поступил довольно бестактно, начав описание подобным образом.

— Рот у него, кажется, запавший, губ почти не видно, а нос длинный и приплюснутый, на лице шрам. Настоящий бандит!

— Не сможете ли описать шрам, мистер Барнабл?

— Шрам на щеке, ближе к уху, и довольно длинный — от кепки до нижней челюсти.

— На какой щеке, мистер Барнабл?

— На левой, — неуверенно произнес он, взглянув на Джулиуса, своего молодого помощника с резкими чертами лица.

Джулиус кивнул, и ювелир повторил, теперь уже более твердо.

— На левой.

— Как он был одет, мистер Барнабл?

— Синий костюм и кепка — та, что у сержанта. Больше ничего особенно-го я не заметил.

— А глаза, волосы, мистер Барнабл?

— Не помню.

— Что именно он взял, мистер Барнабл?

— У меня еще не было времени проверить, но все неоправленные камни из сейфа — в основном бриллианты — пропали. Тысяч на пятьдесят, не меньше.

Я холодно, с иронической улыбкой взглянул на ювелира.

— Вы, конечно, понимаете, мистер Барнабл, что если нам не удастся вернуть камни, страховая компания потребует доказательств покупки каждой недостающей драгоценности.

От смущения его круглое лицо сморщилось.

— Но уж на двадцать пять тысяч точно, чтоб у меня язык отсох, мистер Тин.

— Взят ли он еще что-нибудь, кроме бриллиантов, мистер Барнабл?

— Камни, и еще в сейфе было немного денег — около двухсот долларов.

— Пожалуйста, немедленно составьте список, мистер Барнабл, и как можно точнее опишите каждый недостающий предмет. Ну, сержант, какие у вас сведения о дальнейших действиях грабителя?

— Ээ... удирая, он столкнулся с миссис Долан. Она вроде бы...

— У миссис Долан открыт здесь кредит, — отозвался ювелир из задней части магазина, куда они с Джулиусом удалились, чтобы исполнить мою просьбу. Сержант ткнул большим пальцем в сторону женщины, стоявшей слева от меня.

На вид ей было лет сорок. Веселые карие глаза. Живое румяное лицо. Одежда аккуратная, хотя ни новой, ни модной назвать ее было нельзя, да и вся ее внешность вызвала вдруг в моей памяти эпитет «способная», эпитет, справедливость которого подтвердилась впоследствии бодрящей свежестью латука и сельдерея, выглядывавших из ее хозяйственной сумки.

— Миссис Долан — управляющая одного из многоквартирных домов на Эллис-стрит, — закончил ювелир, а мы с женщиной обменялись улыбками и кивнули друг другу.

— Спасибо, мистер Барнабл. Продолжайте, сержант Холи.

— Это вам спасибо, мистер Тин. Она, кажется, пришла сюда с очередным взносом за купленные часы и только было ступила на порог, как этот бандит наткнулся на нее спиной, и оба полетели кубарем. Мистер Найт, вот он, увидел свалку, вбежал, сбил с головы реза кепку, вышиб пушку и бросился за ним вдогонку.

Один из свидетелей заискивающе улынулся, поднеся ко рту загорелую руку с зажатыми в ней перчатками. Это был бронзовый от солнца и ветра человек атлетического сложения, высокий, широкоплечий, в просторном твидовом костюме.

— Моя роль была не такой уж героической, как ее тут представляют, — громко возразил он. — Я как раз выходил из своей машины, чтобы взять в «Орфее» — напротив — билеты, вдруг вижу — столкнулись эта леди и какой-то мужчина. Я поспешил сюда, чтобы помочь ей встать, и вот уж не думал не гадал, что этот человек окажется бандитом. Я увидел наведенный на меня пистолет, он уже готов был выстрелить. Я вынуж-

ден был ударить его, и, к счастью, мне удалось выбить пистолет, как раз когда он нажимал на спуск. Едва оправившись от неожиданности, я увидел, что человек бежит по улице. Я — за ним, но не догнал. Он куда-то скрылся.

— Благодарю вас, мистер Найт. Сержант Холи, так вы говорите, бандит уехал в машине?

— Благодарю вас, мистер Тин. — Идиогский ответ, не правда ли? — Именно так я и сказал. Мистер Гленн, вот он, все видел.

— Я стоял на углу, — сказал мистер Гленн, полный мужчина, у которого был вид удачливого торговца.

— Простите, мистер Гленн, на каком углу?

— На углу Поуэлл и О'Фаррел. — Он сказал это таким тоном, как будто я и сам мог догадаться. — На северо-восточном углу, если вам нужны точные сведения, почти на красной линии. Бандит вначале шел по улице, а потом сел в двухместную машину, она ехала вдоль Поуэлл-стрит. Я не обратил на него особого внимания, а если и слышал выстрел, то принял его скорей всего за выхлоп мотора. Я бы вообще не заметил этого человека, не будь он с непокрытой головой, и выглядел он именно так, как его описал мистер Барнабл — шрам, ввалившийся рот и все такое.

— А вы случайно не запомнили марки или номер машины, в которую он сел, мистер Гленн?

— Этого не скажу. Машина была черная, двухместная — вот все, что я знаю. Вышла она, вероятно, с Маркет-стрит. Вел ее, по-моему, мужчина, вот только не заметил, молодой или старый и что он вообще за человек.

— А какой у бандита был вид, мистер Гленн? Возбужденный? Он оглядывался?

— Да нет, с виду совершенно спокоен, и по сторонам не глядел, никуда как будто не спешил. Подошел к этой

двухместной машине, сел в нее и укатил.

— Спасибо, мистер Гленн. Ну, а теперь, может, кто-нибудь что-то добавит или подправит описание преступника, которое дал мистер Барнабл?

— У него были седые волосы,— сказал мистер Гленн,— ...волосы серо-стального цвета.

Миссис Долан и мистер Найт поддакнули, причем первая еще и добавила:

— Мне кажется, он старше, чем говорит мистер Барнабл. Пожалуй, ближе к пятидесяти, чем к сорока, а зубы совсем желтые и спереди гнилые.

— Точно. Я теперь тоже вспомнил,— согласился мистер Найт.

— Есть еще что-нибудь, что проливает свет на эту историю, сержант?

— Ни малейшего проблеска больше. Патрульные машины ищут эту черную двухместку, и, наверное, когда выйдут газеты, найдется немало людей, которые все это видели, но вы же сами знаете, что такое свидетель.

Это-то я знал. Одна из самых плачевных черт криминалистики состоит в том, что уйма времени и энергии тратится впустую на расследование информации, поставляемой субъектами, которые из упрямства, глупости либо же по причине необузданной фантазии настаивают на неперменной связи всего, что бы им ни доводилось увидеть, с преступлением, которое окажется главным в событиях дня.

Сержант Холи, каковы бы ни были изъяны в его юморе, был превосходный актер: лицо его оставалось благодушным, а голос совершенно спокойным, когда он сказал:

— Если у мистера Тина больше нет вопросов, вы все, пожалуй, можете идти. Адреса ваши у меня есть, и если понадобится — вызову.

Я было заколебался, но вовремя вспомнил основной принцип, который папа привил мне за десять лет службы под его началом,— никогда ничего не принимать на веру.

— Минуточку! — сказал я и отвел сержанта Холи в сторонку, где бы нас никто не мог услышать.— Вы уже отдали распоряжение, сержант?

— Какое еще распоряжение?

Я улыбнулся, понимая, что полицейские детективы пытаются скрыть от меня, что им уже что-то известно. И первым моим побуждением было, вполне

естественно, отплатить им той же монетой, но сколь бы ни были соблазнительны преимущества самостоятельной работы, частный детектив в конце концов поступает мудрее, сотрудничая с полицией, нежели конкурируя с ней.

— Ну, честное слово,— сказал я,— вы, должно быть, недооцениваете мои способности: вы, вероятно, полагаете, что я не обратил внимание на один любопытный факт. Как можно было с того места, где, как утверждает Гленн, он стоял, заметить шрам на левой щеке бандита, который, по его словам, ни разу не оглянулся назад?

Не смотря на явную неловкость, сержант Холи и не подумал возмущаться, а просто признал себя побежденным.

— Не учел, что вы об этом догадаетесь,— признался он, в раздумье потирая большим пальцем подбородок.— Взять его мы можем хоть сейчас, но вас, кажется, занимают еще кое-какие соображения?

Я взглянул на часы: 12.24. Мое расследование, благодаря тому, что полиция задержала свидетелей, заняло не более 10—12 минут.

— Если Гленна поставили на Поуэлл-стрит, чтобы направить нас по ложному следу,— заметил я,— тогда нетрудно предположить, что бандит вообще не двигался в этом направлении. Я вспомнил, что через два подъезда отсюда, в сторону Стоктон-стрит, есть парикмахерская. В ней, вероятно, как во всех парикмахерских подобного типа, есть дверь, ведущая в «Булвер Билдинг», она-то и могла послужить проходом, через который бандиту было легко скрыться. Во всяком случае эту возможность необходимо расследовать.

— Парикмахерская! — Сержант Холи взглянул на своего помощника: — Дождитесь нас здесь вместе со всеми. Стронг, мы скоро вернемся.

— Хорошо,— ответил Стронг.

Зевак на улице поубавилось.

— Пойдем-ка с нами. Тим,— бросил сержант стоящему у дверей полицейскому.

Парикмахерская по своим размерам была точь-в-точь ювелирный магазин. Когда мы вошли, пять или шесть кресел были заняты, а то, что у самого окна, пустовало. Стоявший за ним невысокий смуглый мужчина приветливо улыбнулся

и сказал «Следующий», как это принято у парикмахеров.

Я подошел к нему и протянул свою визитную карточку, и он, пробежав по ней взглядом, посмотрел на меня с живым интересом, который тут же сменился прямо-таки детским разочарованием. К этому я уже успел привыкнуть: люди, не найдя меня ни худосочным, ни — что, несомненно, было бы им даже гораздо приятней — толстяком, смотрят на меня так, как будто я обманул их лучшие ожидания.

— Вы, наверное, уже слышали об ограблении Барнабла?

— Как же, прямо жуть берет, как подумаешь, что эти головорезы вытворяют среди бела дня!

— А выстрела вы случайно не слышали?

— Как же! Я как раз брил одного из своих постоянных клиентов, мистера Торпа, агента по недвижимости. Он всегда дожидается меня, если даже все остальные мастера свободны. Так или иначе, я услышал выстрел и подошел к двери — взглянуть, но ведь у меня в кресле клиент, сами понимаете, на улицу я выйти не мог.

— И никого подозрительного не видели?

— Нет, эти ребята шустрые, да и в обеденный перерыв, когда на улице полно народу, ничего не стоит затеряться в толпе. Интересно, что...

Это уже не относилось к делу. Ввиду необходимости беречь время я, рискуя показаться невежливым, прервал его на полуслове.

— А с улицы в «Булвер Билдинг» тут никто не проходил, вы не заметили?

— Что-то не припомню, хотя многие пользуются нашей парикмахерской, чтобы сократить путь из конторы на улицу.

— Но вы не заметили никого после того, как услышали выстрел?

— Входить никто не входил, это точно. А вот выйти — может, кто и вышел, потому как время было предобеденное.

Я внимательно осмотрел пятерых мужчин, которыми занимались другие мастера. На двух из них были синие брюки. И у одного из этих двух между большим носом и подбородком темнели усы; лицо второго, розовое от бритья, не было ни таким уж худым, да и не полным, не отличался ни красотой, ни уродством и его профиль. Это был муж-

чина лет тридцати пяти, светловолосый, и я заметил, как он улыбнулся своему мастеру, когда тот ему что-то сказал: мне бросилась в глаза неестественная ровность и белизна его зубов.

— Когда вошел клиент, который сидит в третьем кресле?

— Если не ошибаюсь, как раз перед ограблением. Когда раздался выстрел, он отстегивал воротничок. Это-то я запомнил.

— Благодарю вас.

— Тут нечего ловить, — пробормотал сержант.

Я смерил его презрительным взглядом.

— Вы забываете или, быть может, думаете, что я забыл о перчатках Найта.

Сержант Холи хохотнул.

— Ах, да, я и забыл совсем, упустил из виду. Я стал таким рассеянным.

— Притворство вряд ли еще кому помогало, сержант Холи. Наш клиент сейчас выйдет. — И правда, только я это сказал, как тот встал с кресла. — Предложим ему пройти с нами к ювелиру.

— Можно, — согласился сержант.

Клиент пристегнул воротничок, надел свой синий пиджак, серое пальто и серую шляпу. И тогда, предъявив свою бляху, детектив представился ему:

— Сержант Холи. Прошу вас немного прогуляться со мной тут неподалеку.

— Что?

Удивление было совершенно неподдельным, как и следовало ожидать. Сержант слово в слово повторил приглашение.

— Зачем это?

На этот вопрос как можно короче ответил я.

— Вы арестованы за ограбление ювелирного магазина Барнабла.

Тут этот человек не без сарказма заметил, что его фамилия Бреннан, что его хорошо знают в Окленде, что кое-кто заплатит за оскорбление, и т. д. и т. п. Мне на миг показалось, что придется применить силу, чтобы сопроводить задержанного к месту преступления, и сержант Холи уже сжал его запястье, но Бреннан подчинился, согласившись идти с нами.

У Гленна побледнело лицо и задрожали колени, когда мы ввели Бреннана в магазин, где Барнабл, Джулиус, Найт, Стронг и миссис Долан тотчас же сгрудились вокруг нас.

Полисмен, которого сержант назвал Тимом, остался у выхода.

— Говорить, вероятно, будете вы, — сказал сержант Холи, делая меня центром внимания.

— Это он, мистер Барнабл? — спросил я.

Карие глаза ювелира чуть не выкатились из орбит.

— Нет, мистер Тин.

Я повернулся к задержанному.

— Снимите, пожалуйста, шляпу и пальто. Сержант Холи, где у вас кепка, оброненная грабителем? Спасибо, сержант. — И к задержанному: — Будьте любезны, наденьте эту кепку.

— Будь я проклят, если я это сделаю, — взорвался он.

Сержант протянул ко мне руку.

— Дайте-ка ее мне. Эй, Стронг, подержите-ка этого молодца, пока я делаю ему примерку.

Бреннан покорился.

Кепка была ему явно велика, но, надевая ее то так, то эдак, я сообразил: можно нацепить этот головной убор таким образом, что его несуразность будет не слишком бросаться в глаза, к тому же его размер позволял скрыть волосы и изменить очертания головы.

— А теперь не будете ли вы любезны, — попросил я, отступая назад, чтобы получить взглянуть на него, — вынуть ваши зубы.

Эта просьба вызвала страшный переполох. Тот, кто назывался Найтом, бросился на детектива Стронга, Гленн метнулся ко входной двери, а Бреннан со злостью заехал сержанту Холи кулаком в лицо. Я бросился ко входу, чтобы занять место полисмента, оставившего пост ввиду схватки с Гленном, и краем глаза заметил, что миссис Долан забилась в угол, тогда как Барнабл и Джулиус, не желая впутываться в драку, мечутся по магазину.

Порядок, наконец, был восстановлен: детектив Стронг и полисмен сковали Найта и Гленна одним наручником, а сержант Холи, сидя верхом на Бреннана, победно размахивал вставной челюстью, вытащенной у него изо рта.

Сделав полисмену знак занять свой пост у двери, я помог сержанту Холи поставить Бреннана на ноги, и мы снова надели кепку ему на голову. Теперь он являл собою самого настоящего злодея: рот, лишившись зубов, ввалился,

отчего лицо сделалось худым и старым, а нос удлинился, размяк и сплющился.

— Это ваш молодец? — обратился сержант Холи к ювелиру, встраивая арестанта.

— Да! Да! Он самый! — Ликование смешалось на лице ювелира с озадаченностью.

— Только вот шрама нет, — медленно добавил он.

— Этот шрам, по всей вероятности, мы найдем у него в кармане.

И нашли — в виде носового платка, покрытого коричневыми пятнами, еще влажного и пахнущего спиртом. Кроме платка, мы извлекли из его карманов связку ключей, две сигары, спички, перочинный нож, 36 долларов и авторучку.

Бреннан не противился обыску, и лицо его оставалось безучастным, пока Барнабл не воскликнул:

— А камни? Где же камни?

Бреннан окрысился:

— Скорее облезете, чем их найдете.

— Мистер Стронг, будьте любезны, обыщите эту парочку, — кивнул я на скрепленных одной цепью Найта и Гленна.

Он исполнил мою просьбу, не найдя, как я и ожидал, ничего существенного.

— Благодарю вас, мистер Стронг, — сказал я, направляясь в угол, где стояла миссис Долан. — Будьте любезны, позвольте мне осмотреть вашу хозяйственную сумку.

Веселые карие глаза миссис Долан сразу потускнели.

— Будьте любезны, позвольте мне осмотреть вашу хозяйственную сумку, — повторил я.

В горле у нее как-то странно булькнуло, и она протянула мне сумку. В другом конце магазина находилась застекленная витрина, на нее-то я и поставил сумку миссис Долан. Кроме сельдерея и латука, о которых я уже упоминал, в сумке оказались сверток с нарезанным ломтиками беконом, пачка стирального порошка и бумажный пакет со шпинатом. Я вытряхнул его на витрину, и среди зеленых листьев сверкнули острые грани неоправленных бриллиантов. Менее заметные, выглядывали из листьев и драгоценные банкноты.

Способная. Именно так, если помните, охарактеризовал я миссис Долан при первом знакомстве с ней. И мое определение тотчас же подтвердилось: эта

женщин повела себя как человек, который способен на все. К счастью, детектив Стронг тут же двинулся за нею следом и успел завернуть ей руки за спину, ограничив таким образом ее свободу. Но он не смог лишить ее последней свободы — свободы слова, и этой единственной оставшейся она воспользовалась на полную катушку, разразившись потоком брани, которую мне здесь вовсе не обязательно повторять.

Было начало третьего, когда я вернулся в нашу контору.

— Ну и?.. — Папа перестал диктовать мисс Куинен текст очередного письма и повернулся ко мне. — Я все ждал, что ты позвонишь.

— Это не понадобилось, — ответил я не без некоторого удовлетворения. — Операция закончилась успешно.

— Преступление раскрыто?

— Да, сэр. Воры — трое мужчин и одна женщина — в городской тюрьме, украденная собственность полностью возвращена владельцу. В детективном бюро нам удалось установить личности двух мужчин: разыскиваемый Кили — он, похоже, был за главного, и некий Гарри Макмихен, вроде бы хорошо известный полиции на Востоке. Личности третьего, назвавшегося Джорджем Гленном, и женщины, миссис Долан, будут, несомненно, установлены.

— Как вам нравится наша маленькая ищейка, Флоренс? — папа так и сиял.

— Молодчина! — отозвалась мисс Куинен. — Я думаю, мы еще сделаем из него человека.

— Сядь, Робин, и расскажи нам обо всем поподробнее, — попросил папа.

— Эта женщина, значит, устроилась управляющей многоквартирным домом на Эллис-стрит, — начал я, но садиться не стал. — Она воспользовалась своим положением как рекомендацией, и Барнабл открыл ей кредит в своем магазине, где она взяла в рассрочку часы и каждую неделю приходила погашать долг. Кили, который, несомненно, лишился зубов, когда отбывал последний срок в Уолла-Уолла, вынул свою искусственную челюсть, надел кепку большого размера и, угрожая Барнаблу и его помощнику пистолетом, опустошил сейф, в котором были неоправленные камни и деньги.

Выбираясь из магазина, он столкнулся с миссис Долан и сунул добычу в

пакет со шпинатом, который вместе с другими бакалейными товарами находился в ее хозяйственной сумке. Макмихен, придя якобы на помощь женщине, передал Кили шляпу и пальто, а возможно, и его вставные зубы вместе с платком, которым тот мог стереть шрам, а сам взял у Кили пистолет.

Кили, теперь уже без шрама, а зубы и шляпа до неузнаваемости изменили его внешность — поспешил в подъезд, где парикмахерская, а Макмихен, палнув разок из двери, чтобы пресечь любопытство со стороны Барнабла, бросил пистолет рядом с кепкой и побежал в сторону Пууэлл-стрит, сделав вид, что гонится за бандитом. На Пууэлл-стрит стоял еще один сообщник, который якобы видел, как бандит уехал в машине. Эти трое пытались направить нас по ложному следу, еще и подкинув несколько несуществующих деталей к данному Барнаблом описанию грабителя.

— Ловко! — восхищение папы — и я хочу это подчеркнуть — было чисто академическим, профессиональным интересом к хитростям, которые продемонстрировали воры, а вовсе не одобрением их мошеннического замысла в целом. — И как же ты все это распутал?

— Человек на углу смог бы увидеть шрам лишь в том случае, если бы грабитель обернулся, а это свидетель отрицал. Макмихен был в перчатках, чтобы не оставить следов на пистолете, из которого стрелял, хотя обычно он их не носит, потому что руки у него загорелые. Показания, которые дали мужчина и женщина, совпадали до мелочей, что, как вы знаете, было бы чуть ли не чудом, имей мы дело с честными свидетелями.

Я решил не говорить папе, что перед тем, как отправиться к Барнаблу, и, возможно, подсознательно во время расследования, я подыскивал новое двуступенчатое — взамен того, которое не понравилось редактору «Жонглера»; а поскольку мозг мой больше всего занимала идея несообразности, хозяйственная сумка миссис Долан показалась мне вполне подходящим тайником для бриллиантов и денег.

— Прямо в яблочко! — одобрил папа. — И ведь все сам?

— Вместе с детективами Холи и Стронгом. Я уверен, они тоже заметили эту ловушку.

Не успел я договорить, как у меня возникло сомнение. Небольшая вероятность того, что полицейские детективы не видели разгадки столь же ясно, как и я, все же оставалась. Я ведь даже как-то предположил, что сержант Холи пытается скрыть от меня, что он что-то знает, но сейчас, рассматривая ситуацию в ретроспективе, я догадался: ничего он не знал, и именно это пытался от меня скрыть.

Это последнее соображение, однако, было не так уж важно. Гораздо важнее оказалось то, что в образе драгоценностей, спрятанных в овощах, я нашел нужную мне для сонета поэтическую фигуру несообразности.

Извинившись, я покинул папин кабинет и направился в свой, где, снова положив на стол словарь рифм, тезаурус и отпечатанный под копирку экземпляр

сонета, я принялся подыскивать моему новому сравнению подходящие слова, не на шутку радуясь тому, что сонет написан по шекспировскому, а не по итальянскому образцу, и изменение в рифмовке двух последних строк не потребует лишней переделки.

Прошло некоторое время, и вот я уже сижу, откинувшись в кресле и испытывая то несравненное удовлетворение, которое чувствовал папа после поимки долго ускользавшего преступника. Перечитав новое заключительное двустишие, я не мог не улыбнуться:

*Несообразность вы б нашли
в сверканье этом —
Брильянтов на шпинатной грядке
летом.*

Уж это-то, решил я, редактору «Жонглера» понравится.

ВКУС УБИЙСТВА

— Сосиска, по моему глубочайшему убеждению, одно из самых благородных изобретений человечества, — сказал Генри Чандлер. — А в сэндвиче она не только питательна, но и очень практична. Она позволяет не обращать внимания на сам процесс еды. Вы можете писать, читать, смотреть телевизор... или сжимать в руке пистолет...

Электронные часы на стене показывали пятнадцать минут первого, и, кроме меня и Чандлера, в офисе никого не было.

Чандлер откусил от сэндвича, прожевал и проглотил. Потом улыбнулся.

— Вы с моей женой были осмотрительны, мистер Дэвис. Исключительно осмотрительны, и в этом мое преимущество. Я, конечно, устрою так, будто вы сами покончите с собой. Но если полиция не попадет все-таки на эту удочку, то ей придется изрядно попотеть, выскивая мотив убийства. Нет ничего, что явно связывало бы нас с вами, за исключением того факта, что вы наняли меня... как и двадцать других таких же.

— Ваша жена поймет. — Похолодевшими пальцами я прикоснулся к краю стола. — Она обратится в полицию.

— В самом деле? Сомневаюсь. Женщина способна на самопожертвование ради своего любовника... когда он жив. Но если он мертв, это уже совсем другой случай. Женщины удивительно практичны, мистер Дэвис. А кроме того, она будет лишь подозревать, что я убил вас. Знать она не будет. И эта неуверенность заставит ее молчать. Она вполне резонно скажет себе, что не имеет смысла кричать о ее связи с вами на весь свет. Возможно, кроме меня найдется еще дюжина желающих свести с вами счеты.

— Полиция проверит каждого, — в моем голосе прозвучала нота отчаяния, — они обнаружат, что вы оставались в офисе, когда остальные служащие ушли.

— Я так не думаю, — покачал он головой. — Никто не знает, что я здесь. Я ушел раньше других, но вернулся, по-

тому что вы остались один. — Он помедлил. — Я решил, что самое мудрое — убить вас во время обеденного перерыва, мистер Дэвис. Определить потом, где был каждый, для полиции будет очень трудно. Люди едят, заходят в магазины или куда-нибудь еще и лишь затем возвращаются на работу. Почти невозможно установить и тем более доказать, что они делали в этот промежуток времени.

Он снова засунул руку в мой коричневый бумажный пакет и вытащил очередной сэндвич.

— Обычно я обедаю в одном из бесчисленных кафе тернев близости. К тому же я не из тех людей, которые особенно заметны. Целых две недели я ждал, чтобы вы задержались, мистер Дэвис. — Чандлер ухмыльнулся. — Наконец, сегодня утром я заметил, что вы захватили в офис завтрак. Вы думали, что будете слишком заняты и не успеете выйти перекусить?

— Да. — Я провел языком по губам.

Чандлер приподнял верхнюю половину сэндвича и стал рассматривать две маленькие сосиски.

— Человеческий организм каждый раз реагирует по-иному. На стрессы — горе, страх, злость — он часто отзывается голодом. И сейчас, мистер Дэвис, я чувствую, что у меня прямо-таки волчий аппетит. — Он продолжал ухмыляться. — Вы уверены, что не хотите сэндвича? В конце концов, он ваш.

Я промолчал.

— На существующей стадии эволюции, — Чандлер вытер губы бумажной салфеткой, — человеку все еще требуется мясо. Однако для людей чувствительных, вроде меня, его потребление связано с определенными трудностями. Когда мне преподносят, например, кусок мяса, я с робостью приступаю к нему. Знаете ли, если я откушу хотя бы чуть-чуть и мне попадет хрящик, я сразу же так расстраиваюсь, что не могу закончить трапезу.

Чандлер изучающе посмотрел на меня.

— Вы, наверно, думаете, что я слегка впал в истерику — рассуждаю о пище в такой момент... Не понимаю, почему я не застрелил вас, как только вошел. То ли потому, что мне приятно держать вас на мушке, то ли потому, что я в самом деле боюсь финального акта.— Он пожал плечами.— Но даже если я действительно боюсь, позвольте заверить — у меня достаточно решимости, чтобы преодолеть свой страх.

Я оторвал взгляд от бумажного пакета и потянулся к пачке сигарет, лежавшей на столе:

ДЕТЕКТИВ: классика жанра

— Вы знаете, где сейчас Элен?

— Вы хотите попрощаться с ней? Или попытаться через нее отговорить меня? Извините, я ничем не могу помочь вам, мистер Дэвис: во вторник Элен уехала на неделю к сестре.

Я зажег сигарету и глубоко затянулся:

— Я не имею ничего против смерти. И полагаю, что мы квиты с миром и с людьми, его населяющими.

Чандлер слегка наклонил голову, не понимая.

— Трижды я сводил счеты, — продолжал я. — Трижды. До Элен была Беатрис, до Беатрис была Дороти.

Чандлер вдруг заулыбался:

— Вы говорите все это, чтобы протянуть время? Но вам все равно ничего не светит, мистер Дэвис. Я запер наружные двери. Если кто-нибудь вернется до часу, в чем я сомневаюсь, он не сможет войти. А если он будет упорствовать и стучать, я быстренько прикончу вас и уберусь отсюда.

— Любовь и ненависть очень близки, Чандлер, — мои пальцы поползли по столу, оставляя влажный след. — Особенно для меня. Когда я люблю или ненавижу, я делаю это от всего сердца.

Я внимательно посмотрел на свою сигарету и продолжал:

— Я любил Дороти и был уверен, что и она любит меня. Мы должны были пожениться. Я уже строил планы. Я ждал. Но в самый последний момент она сказала, что не любит меня. Что никогда не любила.

Чандлер снова откусил от сэндвича. Я несколько мгновений прислушивался к шуму машин на улице.

— Она не досталась мне. Но и никому не досталась. — Я в упор посмотрел на Чандлера. — Я убил ее.

Чандлер моргнул и уставился на меня.

— Почему вы рассказываете мне об этом?

— Какая разница? — потянулся я к следующей сигарете. — Я убил ее, но этого было недостаточно. Понимаете, этого было недостаточно. Я ненавидел ее. Ненавидел.

Я вытащил сигарету и заговорил спокойнее:

— Я купил нож и слесарную ножовку... И когда закончил, сложил кусочки в чемодан вместе с камнями и выбросил в реку.

Чандлер поблдедел.

Я посмотрел на окурки, лежавший в пепельнице.

— А два года спустя я встретил Беатрис. Она была замужем, но мы находили время встречаться. Целых шесть месяцев. Я полагал, что она любит меня так же, как я ее. Но когда я попросил ее развестись с мужем... уйти ко мне... она расхохоталась. **Расхохоталась.**

Чандлер отшатнулся. Я почувствовал, что лицо мое покрылось испариной.

— На этот раз ножовки и ножа было мало. — Я подался вперед. — Они уже не могли удовлетворить меня. Ночью я забрал чемодан и отнес его в зоопарк. Светила луна. Я видел, как звери утробно рычали, рвали мясо и ждали возле решеток добавки.

Глаза Чандлера расширились. Я медленно поднялся, потянулся к сэндвичу и подцепил верхний кусок хлеба, улыбаясь.

— Свиные кишки просаливают, Чандлер. Вы знаете это? Потом их упакуют в картонку. — Я оставил кусочки хлеба в покое. — А вам известно, что то, из чего делают сосиски, стоит тридцать пять долларов?

Я смотрел мимо него, все еще улыбаясь.

— Сначала вы приносите мясо, затем разрезаете его, как вам нужно — на тонкие, толстые кусочки, выбираете хрящики. — Взгляд его встретился с моим. — Ваша жена не изменяла вам, Чандлер. Она всего лишь забавлялась мной. А я любил ее... и ненавидел. Больше, чем кого-либо в этом мире. Я вспомнил животных в зоопарке, как наслаждались они каждым...

Я заглянул прямо в полные ужаса глаза Чандлера.

— Так как вы думаете, где на самом деле сейчас Элен?

И я преподнес ему наполовину съеденный сэндвич.

После похорон я помог Элен дойти до машины. Когда мы остались вдвоем, она повернулась ко мне:

— Я уверена, что Генри ничего не знал о нас. И совершенно не могу понять, почему он покончил с собой, да еще в твоём офисе.

Я вырулил из ворот кладбища.

— Не знаю. Может быть, он съел чего-нибудь, — сказал я.

И улыбнулся.

Антон ЯНКОВСКИЙ

ВЫСТРЕЛА НИКТО НЕ СЛЫШАЛ

Антон Янковский, чей детективный рассказ публикуем мы сегодня, учится в вологодской средней школе № 2. В бывшем девятом «б», ученики которого только недавно получили свидетельство о неполном среднем образовании, не он один занимался сочинительством. Пишет стихи Наташа Карандеева, психологическая проза выходит из-под пера Руслана Сандула. И вообще, как подметили педагоги, у многих ребят школьные сочинения получаются живыми и откровенными, со своим видением темы, проблемы.

Не случайно собрались в этом классе увлеченные литературой и историей. Три года назад, учитывая их пожелания и интересы, предложили ребятам изучать эти предметы глубже. Ну, а где присутствует серьезное отношение к любимым предметам, там — шаг до творчества. Так и получилось. Начали писать мальчишки в жанре фантастики и приключений — самом популярном в этом возрасте. Собирались, знакомили друг друга со своими работами, обсуждали написанное.

Антон Янковский появился в классе позже других — его семья переехала

в наш город из Бишкека. Общих интересов с новыми друзьями нашлось много — кино, филателия, нумизматика, и, конечно, литература. Дома у Антона богатая библиотека, он много читает, о всех новых книгах может рассказать... Стал он и участником творческого соревнования классных литераторов, отдав предпочтение детективу.

Конечно, в его рассказах заметно влияние прочитанных книг. Подражая именитым мастерам детективного жанра, Антон написал уже не один десяток рассказов. Наиболее, на наш взгляд, удачный мы решили опубликовать.

— Я первый? — спросил Мэтт Колиман, входя в прихожую.

— На этот раз нет, — ответила ему Мэг.

— И кто же меня опередил?

— Рон и Гай.

Раздался звонок.

— Это, наверное, Элизабет... Точно, я же говорила! Проходи скорее.

— Я вижу, вся компания уже в сборе. Значит, можно садиться? — воскликнул Тимоти Рон.

— Подожди еще чуточку, сейчас придет Кевин.

Уже примостившийся было у накрытого стола Тимоти со вздохом отошел к дверям. Он любил поесть, а Мэг всегда так вкусно готовила!.. Терпение его иссякало.

— Кстати, по какому поводу мы собрались? Мне позвонил Томми и сказал, чтобы я приезжал, а зачем — не пояснил.

— Как, Гай, — укоризненно протянул Мэтт, — ты разве не знаешь, что сегодня исполнилось пять лет, как Томми и Мэг женаты?

— Действительно, свадьба была как раз пять лет назад... Правда, еще неделю назад я не подумал бы, что мы соберемся отмечать это событие; скорее, мы, как обычно, пришли бы мирить вас. Выходит, Томми перестал наконец-то глядеть на сторону и понял, что лучшей женщины, чем Мэг, ему никогда не найти? И где же он, наконец?

— У себя в кабинете, — сказала Мэг. — У него сильно болит голова, и он решил немного отдохнуть.

— Давайте сядем за стол! — опять предложил Рон. — Этот Кевин вечно опаздывает... все остынет!

Гостям явно не терпелось приступить к трапезе. Хозяйка пошла в кабинет мужа.

ДЕТЕКТИВ:

НОВОЕ
ИМЯ

— Томми, это уже некрасиво, все тебя ждут! — послышался ее голос.

— Сейчас он придет, — сообщила она, вернувшись в гостиную. Собравшиеся уже рассаживались. Не успели еще разобраться с закусками, как раздался звонок — это пришел долгожданный Кевин.

— Здравствуй, Мэг, — он поцеловал хозяйку в щеку. — Поздравляю!

— Вот видите, — улыбнулась Мэг, — хоть и последним пришел, зато помнит о нашем юбилее. Садись скорее, чего тебе положить?

— Всего по чуть-чуть. Я сейчас вернусь, только руки вымою.

Раздался оглушительный гудок поезда. Все подскочили от неожиданности.

— Как я хочу отсюда уехать! — с досадой воскликнула Мэг. — Железнодорожное полотно проходит прямо под окнами. Это так мешает.

— Да что ты стоишь, Кевин, садись, — нетерпеливый Тимоти уже что-то жевал, держа в руке бокал. — Давайте выпьем за ваш семейный союз. Пусть он просуществует еще много-много лет! Только где же этот Томми?

— Гай, сходи, позови его, — попросила Мэг. — Я уже не пойду, сколько можно...

Гай вышел, но через минуту вернулся. На нем не было лица.

— Томми... Он мертв!

Вызвали полицию и врача. Все по-прежнему сидели вокруг стола. Мэг тихо плакала, Элизабет утешала ее.

— Кто же мог это сделать? — произнес Кевин.

— Только ты и мог, — со злобой вскричала Мэг. — Ты же выходил, помнишь! Или Гай... Он вам никогда не нравился! Думаете, я не помню, как вы отговаривали меня выходить за Томми!

Гай, возмущенный, вскочил было оправдаться, но Кевин потянул его за рукав:

— Это нервы... Не обращай внимания...

Раздался звонок. Элизабет поспешила в прихожую. На пороге стояли полицейские.

— Комиссар Челвилл, — представился тот, что постарше. — А это мой помощник, Фрэнк Лайонелл.

Послышался вой сирены.

— Это врачи, — сказал Рон. — Я пойду открою.

Мэг начала объяснять полицейским, что случилось.

— Сегодня пять лет, как мы с Томми женаты... — Мэг, успокоившаяся было, снова закрыла лицо платком. — Не могу...

— Они решили устроить по этому поводу маленький праздник, — продолжила Элизабет. — Мы все старые друзья. Все собрались. Томми не здорово вышло и он был в кабинете. Гай пошел туда и увидел его мертвым.

Придя в кабинет вместе с приехавшим врачом, Челвилл осмотрел тело.

— Все понятно: его убили из пистолета, — сказал врач. — Мы уже можем забрать тело?

— Конечно.

Вернувшись в гостиную, Челвилл обратился к хозяйке дома:

— Может быть, вы кого-нибудь подозреваете?

— Никого, — тихо ответила Мэг. Ее недавнее возбуждение прошло.

— А еще секунду назад она обвиняла меня и Кевина! — резко сказал Гай.

— Это я в горячке, сорвалось... Извините меня.

Комиссар, однако, настаивал на объяснении.

— Ну, потому что... — замаялась Мэг. — Просто Кевин выходил мыть руки. И был довольно долго в ванной.

— Я искал полотенце.

— А что его искать? Оно висит на крючке у входа, — поддержала подругу Элизабет.

— Ну, а выстрел слышали? — спросил Фрэнк.

— Нет. Как раз тогда раздался гудок поезда. Железная дорога проходит около дома.

— И в это время вы были в ванной? — обратился Фрэнк к Кевину.

— Да, — ответил за него Рон.

— Ну, а почему обвинили вас? — обратился Челвилл к Гаю.

— Не знаю.

— Потому что это он нашел Томми мертвым! — бросила Элизабет.

— И вы слышали выстрел?

— Нет.

— Что, опять был гудок поезда?

— Нет, не было.

— А может быть, пистолет с глушителем, — предположил Рон.

— Не знаю, — сказал Челвилл. — Вы можете быть свободны, только напишите мне свои адреса. А вот вас мистер...

— Мейл.

— Мистер Мейл и вас...

— Гай Брок.

— Мистер Брок, я попрошу проехать с нами.

Кевин взял с вешалки свой плащ. Надев его, он резко откинул левую полку, чтобы поправить пояс, и на пол с грохотом упал пистолет. Наступила гнетущая тишина.

— Как это понимать? — спросил Фрэнк.

— Я...

— Чей это пистолет?

— Похоже, что мой, — растерянно сказал Кевин, разглядывая оружие, лежащее у его ног.

— И что он тут делает?

— Понятия не имею...

— Заверни его, — Челвилл протянул Фрэнку платок. — Поехали.

Комиссар провел Гаю в свой кабинет и, закрыв дверь, опустился в кресло.

— Я понял, что вы пришли первым.

— Нет, не совсем. Я пришел вторым. Первым был Рон. Он меня обогнал — буквально на пять секунд.

— Откуда вы это знаете?

— Я его увидел на улице. И решил

догнать, но не сумел. Он шел очень быстро.

— Понятно. А теперь я попрошу вас все рассказать — с мельчайшими подробностями, пусть они и кажутся вам несущественными...

— Значит, вы говорите, они часто ссорились?

— Да. Но это было виной Томми. Он был очень неверным супругом.

— Между ними были скандалы?

— Да, и еще какие. Иногда Томми просил Мэг простить его, а иногда орал на нее, даже несколько раз бил. А затем хлопал дверью и уходил на неделю. Месяц назад была опять ужасная ссора. И он ушел на три недели.

— Выходит, он вернулся неделю назад?

— Да.

— И они помирились?

— Нет. Мэг сказала, что может быть, простит его, если он вернет ей деньги.

— Какие деньги?

— Каждый раз, уходя из дома, он брал большую сумму, а в последний свой уход забрал все деньги.

* * *

Теперь за столом комиссара сидел Кевин Мейл.

— Они жили, как кошка с собакой. Томми был чрезвычайно груб и несправедлив с ней.

— А вы знали о их последней ссоре?

— Да. Позавчера Мэг приходила ко мне. Она рассказала, что Томми избил ее, как только вернулся.

«Почему мне об этом не сказал Гай? — подумал Челвилл. — Может, он не знал?»

— Ну, а теперь давайте перейдем к вашему пистолету. Значит, вы его не брали с собой?

— Нет.

— А где он у вас лежал дома?

— В секретере. Там, вообще-то, есть замок, но я его никогда не запираю. Ваши друзья знали, что у вас есть пистолет?

— Знали. Я этого не скрывал. У меня есть разрешение полиции.

— И они знали, где он лежит?

— Ну да. Я его как раз доставал оттуда, чтобы показать им. Это было примерно неделю назад.

* * *

— Говорит Челвилл, — произнес комиссар, набрав номер телефона экспертов.

— Что вы смогли выяснить?

— Выстрел был произведен именно из этого пистолета. На него глушитель наставить невозможно. Смерть была моментальной. Пуля, раздробив череп, прошла навывлет.

* * *

— Вас беспокоят из полиции.

— А, это вы, комиссар, — сказал Рон.

— Да. Вы были первым гостем?

— Да. Но Гай вошел за мной через несколько секунд.

— Меня интересует, когда точно это произошло.

— Мы были приглашены к трем, и ровно в три я был у Мэг. Не люблю опаздывать...

— Выходит, это не вы с мистером Броком пришли рано, а все остальные опоздали?

— Совершенно верно.

— Вы не помните, когда раздался гудок поезда?

— Скажу точно: в пятнадцать минут четвертого. Как раз перед этим пришел Кевин. Я взглянул на часы и отметил, что он опоздал на четверть часа.

* * *

Челвилл вошел в узкую комнатку, где размещалась дирекция вокзала.

— Я из полиции. Меня интересует, почему поезда, отъезжая от станции в Стратфорде, дают гудок.

— Месяц назад здесь произошла страшная авария. Погибло около сорока человек. Железнодорожники решили в память о случившемся давать сигнал. Это делает каждый машинист.

Челвилл подошел к расписанию и тщательно изучил вчерашний график движения поездов. Что-то записав в блокнот, он направился к выходу.

* * *

Челвилл зашел в кабинет, снял шляпу и объявил:

— Фрэнк, попрошу тебя никуда не уходить, ты мне можешь понадобиться. Я пойду взгляну к Вудзу и сразу же вернусь.

Зайдя к экспертам, комиссар протянул одному из них — Вудзу — будильник:

— Посмотри, что я нашел. Это из квартиры Хэнксов, где пристрелили хозяина. Будильник валялся под полкой, в которую попала пуля, — скорее всего, он и свалился от удара. Стукнувшись об пол, часы остановились. Мне надо знать, правильно ли они шли до этого.

— Оставь их на часок, потом зайдешь.

* * *

Через час Челвилл позвонил эксперту:

— Ты проверил?

— Да. Часы, без сомнения, ходили исправно. В них больше нет никаких повреждений, да и последствия «контузии» я уже устранил.

* * *

Комиссар позвонил Мейлу.

— Мистер Мейл? Это Челвилл. Мне нужно, чтобы вы связались с вашими друзьями — всеми, кто был вчера у Хэнксов, и попросили их немедленно приехать к миссис Хэнкс. Да, и сами приехать не забудьте! У меня есть важное сообщение.

* * *

— Я собрал вас, чтобы сообщить, кто убийца мистера Хэнкса. Это не мистер Брок.

Гневные взгляды устремились на Кевина.

— Это и не мистер Мейл, — продолжал Челвилл.

— Тогда кто же это? — удивилась Мэг.

— Вам это должно быть известно лучше других, миссис Хэнкс.

— Почему?

— Потому что это вы убили своего мужа.

— Это же неправда? — спросила Элизабет.

— Ну, конечно, неправда, — нервно рассмеялась та.

— Нет, это правда. И я докажу это фактами. Вспомните, хоть кто-нибудь из вас видел мистера Хэнкса или слышал его голос? Нет, никто. Да вы и не могли его слышать, потому что он был уже мертв. Врачи установили, что смерть могла наступить, начиная с без двадцати три. Вы застрелили его без четверти три, когда под окном проходил поезд, — это гудок заглушил выстрел и никто из соседей ничего не заподозрил. Пистолет вы взяли из секретера мистера Мейла, в свой последний приход к нему. Он имел неосторожность показать вам, где лежит оружие. Выстрел был произведен вами в перчатках, ведь вы знали, что последним человеком, державшим его, был Кевин, и захотели, чтобы его отпечатки остались единственными. Когда тело обнаружили, вы пошли звонить в полицию и положили пистолет в карман плаща мистера Мейла.

— Но зачем? — спросил кто-то из собравшихся.

— Мотив? Он прост. По рассказам ваших друзей, мистер Хэнкс был сущим дьяволом и вам с ним очень нелегко жилось. Последний скандал послужил окончательным поводом, и вы приняли решение.

Все было восхитительно рассчитано, но вас подвели часы, упавшие с полки, в которую попала пуля. Они остановились, показывая время, когда было совершено убийство. Я показывал часы мастеру, и он пришел к выводу, что до момента падения они шли очень точно: не отставая и не забегая вперед.

Комиссар достал будильник и положил его на стол.

— Все свободны — кроме миссис Хэнкс.

«Мне особенно приятно слушать страшные рассказы,— признался как-то знаменитый сказочник Вильгельм Гауф, сам большой мастер пугать.— Вроде как спать при дожде под крышей. Слышишь, как дождь стучит по черепицам: кап-кап... кап-кап, а ты лежишь в сухости и тепле». А вы любите страшные сказки? Если любите, то вам совсем небезынтересно будет познакомиться со «страшным» жанром поближе.

Итак, наш рассказ — о так называемой «литературе ужасов».

ЛИТЕРАТУРА УЖАСОВ:
страницы истории

В ЛАБИРИНТЕ СТРАХА

Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством.

А. С. ПУШКИН.

В самом конце нашего просвещенного двадцатого века в отечественном литературоведении обнаружилась странная вещь. Как-то вдруг выяснилось, что, занимаясь глубоко и всесторонне изучением метода социалистического реализма, ученые мужи прозевали ни много ни мало — целый жанр. Более того — один из самых древних жанров «массовой», то бишь развлекательной, литературы. Ни одного серьезного исследования, даже ни одной толковой статьи¹. Были другие статьи — поверхностно-ругательные. Да уничижительный термин — «бульварная литература».

Однако вот другое мнение, на сей раз сверхпопулярного американского писателя Стивена Кинга, романы которого пользуются всемирным признанием:

«Лучшие произведения, написанные в русле этой традиции, доказывают, что литература об ужасном, сверхъестественном — литература серьезная, значительная, нужная всем категориям читателей».

И в самом деле, можно ли исключать из литературного процесса жанр с двухсотлетней историей? Как справедливо подметил один из критиков, это все равно что изъять из нашей психики чувство страха. Литература ужасов — это шоковая терапия для читателей, это проводник в потаенные уголки человеческой души. Это занимательное чтение, наконец.

Страх — одна из основных эмоций человека, и в то же время одна из самых непонятных. Попробуйте-ка объяснить, почему людей так влечет к необыкновенному, странному и ужасному. У великого русского философа В. В. Розанова читаем: «Собака не тяготеет к страшному, а только бежит от него; человек тоже бежит, но и заглядывает в него, интересуется. Вот главная у него черта».

Свидетельство этого интереса — пространственные повсеместно сказки, предания и легенды о вампирах, привиде-

¹ Работы о готическом романе (речь о нем пойдет далее) не в счет.

ниях и прочей нечисти. Больше всего эти выдумки (а кто знает, может, и не выдумки?) увлекли европейцев, а посему неслучайно, что именно в Европе зародился новый жанр.

Итак, Англия, восемнадцатый век. Философ Эдмунд Берк в своей работе «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757) выдвигает и обосновывает революционную для своего времени идею. «Все, что в какой-либо степени является ужасным или связано с предметами, внушающими ужас или подобие ужаса, является источником возвышенного, то есть вызывает самую сильную эмоцию, которую душа способна испытывать», — пишет Берк. Вот вам и философская основа нового жанра. Да и литературе к тому времени стало тесновато в рамках старых законов и приемов. Словом, нужен был лишь человек, который смог бы разорвать пути традиционности и оглушить публику. И человек этот нашелся. Его звали, Гораций Уолпол.

Будучи сыном премьер-министра и располагая значительным состоянием. Уолпол, архитектор по образованию, на Земляничном холме близ Лондона возвел грандиозный замок в готическом стиле. И вот однажды ему приснился жуткий сон — будто на перилах лестницы замка лежит гигантская рука в рыцарской перчатке... Он проснулся в холодном поту и... бросился записывать увиденное. И в 1764 году в свет вышел его роман «Замок Отранто», возвестивший о рождении нового жанра.

На обложке своего творения Уолпол поставил: «готический роман». Архитектурные амбиции сделали свое дело.

Сюжетная схема проста: вассал убивает своего господина, на род его ложится проклятие, и наконец — месть. Оживший портрет, кровь, капающая со статуй, и прочее нагромождение сверхъестественных событий. Так роман, явившийся родоначальником нового жанра, стал еще и первым образцом одной из его будущих разновидностей — по западной терминологии, «физического ужаса».

В год, когда вышел этот роман, родилась писательница, провозглашенная «матерью» нового жанра. Из-под пера Анны Радклиф (а речь именно о ней) вышло всего шесть романов, которые она писала на досуге, чтобы развлечься. Са-

мый знаменитый из них — «Удольфские тайны» (1794). Радклиф сделала ставку не на сверхъестественное. Рассказывая о трагической любви и страхах прелестной Эмили Сент-Обер, она заставляет читателя пугаться собственных предположений, искусно ткет паутину тайны. Не она одна пошла по следам Уолпола, но именно она отшлифовала технику тайны, ведущие приемы построения «страшного» произведения, используемые и по сей день. Творчество писательницы — это первый шаг в развитии второй важнейшей ветви литературы ужасов — «психологического ужаса».

Между тем, жанр готического романа набирал популярность. Вехами не только в истории литературы ужасов, но и в мировой культуре стали романы «Монах» Мэтью Грегори Льюиса (о том, как несчастный Амбросио продал душу Сатане; кстати, это первое произведение мистического характера — одного из ведущих направлений современной литературы ужасов), «Мельмот Скиталец» Чарльза Мэтьюрина, «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли. В 1816 году Джон Полидори выпустил готическую повесть «Вампир», представившую во всей красе героя, который действует в литературе ужасов вот уже более двух веков.

К середине XIX века готический роман пришел в упадок, но его традиции восприняли другие, более известные авторы. В Америке глубоко проник в «ужас души» Эдгар По, чьи рассказы — «Падение дома Ашероу», «Колодец и маятник» — стали классикой жанра; не одного демонического персонажа вывел Натаниэль Готорн; умирали от страха обреченные герои рассказов Амброза Бирса. В Германии начал пугать публику своими «Ночными повестями» Э. Т. А. Гофман. Образцом литературы об оборотнях стала «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» английского писателя Р. Л. Стивенсона. Также классической историей о привидениях стал рассказ Г. Джеймса «Поворот винта» (в русском переводе — «В объятиях страха»). Примеры литературной готики можно найти и у французских писателей — Бальзака, Дюма, Готье.

А что же Россия? В справочнике американского литературоведа М. Эшли «Кто есть кто в литературе ужасов и фантазии» «наших» только трое: конечно

же, Гоголь, проложивший «Вием» дорогу так называемому «юмористическому ужасу» (придумают же название!), затем Ф. Сологуб (вспомните хотя бы Недотыкомку из «Мелкого беса»), и такой реалист, как И. С. Ткрнев (его рассказ «Собака» — классическое описание полтергейста). Началась же литература ужасов в России ровно через тридцать лет после выхода «Замка Отранто» — в 1794 году в альманахе «Аглая» появилась готическая повесть Н. Карамзина «Остров Борнхольм». Страшные истории в духе русского барокко писали В. Ф. Одоевский, А. К. Толстой, А. Бестужев-Марлинский, А. Амфитеатов, В. Брюсов, А. Грин и многие другие.

Но, пожалуй, хватит перечислений. В двадцатом веке наметился уже настоящий вал литературы ужасов (правда, на Западе, не у нас — у нас все ужасы закончились в 1917 году). Однако литературный страх изменился. Он стал... скажем, более жестоким. Он поставлен уже на конвейер, ангажированный читательским спросом. Постепенно терялась мысль, идея — оставались лишь монстры, убийцы и кровь, очень много крови. К середине нашего века наступил кризис жанра.

Интерес публики к фантастическим ужасам был вновь подогрет расцветом на рубеже 60—70-х годов мистического романа. Наш читатель теперь имеет возможность познакомиться с классическими образцами этого поджанра — «Ребенком Розмари» Айры Левина, «Знаменем» Дэвида Зельцера, «Изгоняющим дьявола» Уильяма Питера Блэтти.

А в 1974 году свой первый роман выпустил никому тогда не известный Стивен Кинг. Роман назывался «Кэрри». Он заворожил читателей своей психологич-

ностью и, если хотите, актуальностью. Это трогательная история о школьнице, нацеленной даром телекинеза — способностью передвигать предметы на расстоянии. Из мрачных подвалов и готических замков ужас был перенесен в нашу действительность, в мир машин, газовых плит и электричества. Изменилась и сама природа страха — у Кинга он заключен в твердой поступи прогресса и... в нас самих.

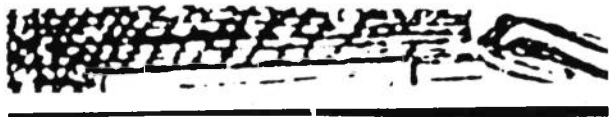
Ныне Кинг — автор уже 31 книги. Невероятная плодовитость и успех его подстегнули и «старую гвардию». Время от времени на страницы сборников попадают теперь новые рассказы Роберта Блоха, Рэя Брэдбери (между прочим, знаменитый фантаст дебютировал в 1946 году сборником рассказов ужасов «Темный карнавал»), Харлана Эллисона...

Отчего же литература ужасов в наше время обрела, можно сказать, вторую жизнь? Вот что думает сам Кинг по этому поводу: «Духи, вампиры — все это, конечно, страшновато, но прелесть такого страха вот в чем: забываешь, что в конце месяца надо оплатить счет за электричество. Это отдушина от ужаса обыденности».

Да, литература ужасов — это литература развлекательная и даже «отвлекательная». Кому-то она покажется слишком мрачной, кому-то — кровожадной. Но лучшие ее образцы — не более чем игра, игра в страх, в ужасы.

И если сейчас, когда вы читаете эти строки, за окнами вашей квартиры ползет сумрак, идет дождь и дует холодный, порывистый ветер, от которого становится не по себе, то значит, самое время окунуться в эту игру с головой.

Алексей КУДРЯШОВ.

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛАПКА

Талантливый англичанин Вильям Вимарк Джекобс (1863—1943) русскому читателю известен по двум сборникам рассказов, представившим его как писателя-мариниста. Однако самым удачным, наиболее ярко демонстрирующим палитру дарования скромного почтового служащего из Лондона, считается рассказ «Обезьянья лапка» (1902), не переведившийся на русский. А не переводили его, должно быть, потому, что он признан классическим рассказом ужасов.

Вечер выдался холодный и дождливый, но в камине небольшой гостиной ярко пылал подброшенный уголь. Отец и сын сражались в шахматы: отец, предпочитавший рискованную игру, передвинул короля в такую без надобности острую позицию, что даже седовласая старушка, мирно вязавшая у огня, сочла необходимым это прокомментировать.

— Ветер что-то воет, — нарушил молчание мистер Уайт, слишком поздно поняв ошибку и простодушно желая, чтобы сын не заметил ее.

— Слышу, — отозвался сын и сделал беспощадный ход? — Шах.

— Мне с трудом верится, что он придет сегодня. — Рука отца в нерешительности повисла над доской.

— Мат, — объявил сын.

— Это сущее наказание — жить в такой дали, — вдруг с непонятым воодушевлением завозмущался отец. — Грязь, слякоть, не пройти не проехать, — вот что хуже всего. Не тропинка, а настоящая трясины, да и по дороге вода сплошным потоком... Не знаю, чего они там думают. Считают, должно быть, что если здесь только два дома, то дорога не имеет значения.

— Не беда, дорогой, — успокоила его жена. — В другой раз выиграешь.

Мистер Уайт с уважением посмотрел на нее и тут же перехватил понимающий взгляд, которым она обменялась с сыном. Слова замерли у него на устах, и он спрятал в седую бороду виноватую улыбку.

— А вот и он, — известил Герберт Уайт.

И точно — громко хлопнула калитка и послышались приближающиеся тяжелые шаги.

С гостеприимной поспешностью старик поднялся и пошел отпирать дверь. Из прихожей донеслись голоса: хозяин посочувствовал гостю, что пришлось добираться по такой погоде, а гость посочувствовал сам себе.

— Ну, что они там? — не вытерпела миссис Уайт и смущенно кашлянула, когда ее муж появился в дверях, сопровождаемый высоким, крупным мужчиной с маленькими поблескивающими глазами и раскрасневшимся лицом.

— Старшина Моррис, — представил гостя мистер Уайт.

Старшина поздоровался со всеми за руку и занял предложенное место у камина, с удовольствием наблюдая, как хозяин достает виски, стаканы для вина и ставит на огонь медный чайничек.

После третьего стакана блеск в глазах гостя усилился, и он разговорился: распрямив плечи, он поведал о необычайных происшествиях и доблестных делах, о войнах, бедствиях и чужих набегах.

— Вот уже двадцать один год, как Моррис болтается по свету, — пояснил мистер Уайт. — И до этого был всего лишь мальчиком на побегушках на складе. Теперь гляньте-ка на него.

— Он не так уж плох, — вежливо сказала миссис Уайт.

— Я бы сам с радостью поехал в Индию, — продолжал старик. — Только вот здесь поживу немного, осмотрюсь, и...

— Лучше не стоит, — покачал головой старшина. Он поставил пустой стакан и, слабо вздохнув, снова покачал головой.

— Мне нравится смотреть на все ихние древние храмы, факиров, шарла-

танов,— не слушал его старик.— Помнишь, Моррис, ты мне как-то начал рассказывать об обезьяньей лапке или о чем-то в этом роде?

— Пустяки,— поспешно сказал старшина.— По крайней мере, ничего заслуживающего внимания.

— Обезьянья лапка? — с любопытством переспросила миссис Уайт.

— Ну да... из этих штук, магических,— небрежно ответил старшина.

Его слушатели заинтересованно подались вперед. Гость машинально поднес пустой стакан к губам, потом опустил его. Хозяин налил в стакан виски.

— Посмотреть на нее,— говорил, роясь в кармане, старшина,— так всего лишь обыкновенная лапка, засохшая и мумифицированная.

Он достал что-то из кармана. Миссис Уайт отпрянула с гримасой отвращения на лице, но ее сын взял предмет и стал с любопытством изучать его.

— А что в ней особенного? — поинтересовался мистер Уайт, когда лапка оказалась у него в руках.

— Один старый факир заколдовал ее,— сказал старшина.— Святой был человек. Он хотел доказать, что рок правит людскими судьбами и что те, кто препятствует этому, потом горько жалеют. Трем своим владельцам эта лапка может исполнить по три желания.

Волнение старшины было столь неподдельным, что слушатели поняли: смеяться нельзя.

— А почему же вы не воспользовались этими тремя желаниями, сэр? — разумно спросил Герберт Уайт.

Старшина посмотрел на него так, как человек средних лет имеет обыкновенно смотреть на самонадеянного юнца.

— Воспользовался,— тихо ответил он, и лицо его побелело.

— И ваши желания на самом деле исполнились? — полюбопытствовала миссис Уайт.

— Да,— сказал старшина, и стакан глухо звякнул о его крепкие зубы.

— А еще кто-нибудь загадывал желания?

— Да. Первый владелец. Не знаю, какими были его первые два желания, но в третий раз он загадал собственную смерть... Вот так я и получил эту лапку.

От его замогильного голоса в комнате воцарилась тишина.

ЛИТЕРАТУРА УЖАСОВ: классика жанра

— Раз ты исполнил свои три желания, значит, она не нужна тебе больше, Моррис? — наконец, прервал молчание старик.— Зачем ты хранишь ее?

— Это как наваждение,— медленно произнес старшина.— У меня была мысль продать ее, но не думаю, что я это сделаю. Она уже причинила достаточно горя. А кроме того, люди не хотят ее покупать. Они полагают, что все это сказки. А если кто и верит, тот сначала хочет исполнить свое первое желание, а потом заплатить.

— Будь у тебя еще три желания,— проищательно глядя на гостя, спросил старик,— ты бы воспользовался лапкой?

— Не знаю,— протянул старшина.— Не знаю.

Он взял лапку двумя пальцами, покачал ею и вдруг швырнул в огонь. Охнув, Уайт нагнулся и выхватил ее из пламени.

— Лучше ей сгореть,— торжественно сказал старшина.

— Если она тебе не нужна, Моррис, отдай ее мне,— попросил старик.

— Мне-то не нужна, и поэтому я бросил ее в огонь,— упрямо продолжал старшина.— Но если ты оставляешь ее себе, не вини меня потом за то, что случится. Кинь-ка ее лучше опять в камин, ты же рассудительный человек.

Но старик лишь покачал головой и принялся внимательно рассматривать свое новое приобретение.

— Как ей пользоваться? — поинтересовался он.

— Возьми ее в правую руку и вслух загадай желание,— вздохнул старшина.— Но я заранее предупредил тебя о последствиях.

— Прямо как в «Тысяче и одной ночи», — заметила миссис Уайт, поднявшись и начав накрывать на стол.— Не хочешь ли ты пожелать, дорогой, чтобы у меня появилась лишняя пара рук?

Муж вынул талисман из кармана, и все трое дружно расхохотались, когда

старшина с выражением тревоги на лице схватил старика за руку.

— Если уж решил загадывать желание,— грубо сказал он,— то загадай что-нибудь поразумнее.

Мистер Уайт убрал лапку в карман и, придвинув стулья, жестом пригласил друга к столу. За ужином о талисмানে почти забыли, а после все трое зачарованно внимали рассказу старшины о приключениях в Индии.

— Даже если в истории про обезьяню лапку правды не больше, чем во всем остальном, что он тут нам наплел,— усмехнулся Герберт, когда дверь за спешившим на последний поезд гостем закрылась,— мы никогда не сможем это проверить.

— Ты подарил ему что-нибудь взамен, отец? — спросила старушка, пристально смотря на мужа.

— Да так, мелочь,— отмахнулся он и слегка покраснел.— Он не хотел брать, но я все же всучил ему. А он все уговаривал, чтоб я выбросил лапку.

— Ну, еще бы,— с приторным ужасом воскликнул Герберт.— А то ведь мы можем стать богатыми, знаменитыми и счастливыми. Для начала, отец, пожелай сделаться императором: тогда ты не будешь у мамы под каблуком.

Он побежал вокруг стола от рассерженной миссис Уайт, вооруженной сорванной с кресла накидкой.

Мистер Уайт достал лапку и нерешительно посмотрел на нее.

— Не знаю, что и загадать,— медленно проговорил он.— Кажется, у меня и так все есть.

— Да тебе за дом заплатит вовремя — уже счастье,— положил руку отцу на плечо Герберт.— Ну, пожелай хотя бы двести фунтов. Интересно, исполнит она это или нет?

Отец, застенчиво улыбаясь своему собственному легковурию, поднял талисман. Сын, с торжественным выражением на лице, чуть искажившемся, когда он подмигнул матери, сел за пианино и ударил по клавишам.

— Хочу двести фунтов,— отчетливо произнес старик.

Слова были встречены бравурными аккордами, внезапно прерванными испуганным возгласом старика. Жена и сын бросились к нему.

— Она шевельнулась! — крикнул он, с отвращением глядя на лежавшую на

полу лапку.— Стоило мне произнести желание, как она изогнулась у меня в руке, точно змея.

— Я что-то не вижу денег,— заметил сын, подняв лапку и положив ее на стол.— Держу пари, что и никогда не увижу.

— Тебе, должно быть, померещилось,— успокоила мужа жена.

Он покачал головой:

— Да ладно, ничего же плохого не случилось. Я просто немного испугался.

Он опять расселся у камина, и мужчины выкурили по трубке. Ветер снаружи завыл еще сильнее, а когда наверху на лестнице захлопнулась дверь, старик занервничал. В комнате повисла напряженная, угнетающая тишина, которая ничем не нарушалась, пока пожилая пара не поднялась, чтобы отправиться спать.

— Надеюсь, в кровати тебя ждет целая куча денег в огромной сумке,— сказал Герберт, пожелав им спокойной ночи.— А пока ты будешь рассовывать их по карманам, со шкафа за тобой будет наблюдать кто-то ужасный.

Наутро за завтраком, когда холодные солнечные лучи залили стол, Герберт посмеялся над своими страхами. В комнате была непринужденная, здоровая атмосфера, которой так не хватало вчера. А грязная сморщенная маленькая лапка была заброшена на буфет с легкомыслием, означавшим не слишком-то большую веру в ее силу.

— Я полагаю, они все такие, эти старые вояки,— заметила миссис Уайт.— Подумать только, какую чепуху он нес! Какие могут быть чудеса в наши-то дни? А если они и бывают, то двести фунтов никак не повредят тебе, отец.

— Ну, разве что упадут на голову с неба,— сказал легкомысленный Герберт.

— Моррис говорил, что все происходит так естественно,— откликнулся отец.— Точно случайное стечение обстоятельств.

— Да, но не начинай разговора о деньгах до моего возвращения,— попросил Герберт, вставая из-за стола.— Боюсь, они превратят тебя в жадину, и нам придется отречься от тебя.

Мать засмеялась и проводила его до дверей; она посмотрела, как он уда-

лялся по дороге, и вернулась к столу. Она была счастлива, что из-за легкомыслия мужа не случилось беды. И все же, когда постучал почтальон, она поспешила открыть дверь; она почему-то сразу подумала об отставном старшине с повадками пьяницы. Но обнаружила, что почта принесла лишь счет от портного.

— Вот уж Герберт потешится, когда вернется,— сказала она.

— Пожалуй,— согласился мистер Уайт, наливая себе пива,— но все-таки эта штука шевельнулась у меня в руке, я готов поклясться.

— Ты просто вбил себе это в голову,— возразила старушка.

— Да нет же,— заволновался он.— Я только хочу сказать... В чем дело?

Жена не ответила. Она наблюдала в окно за таинственным незнакомцем, который нерешительно поглядывал на дом и как будто проявлял желание войти. Ей сразу же пришли на ум двести фунтов, когда она заметила, что незнакомец прилично одет и на голове у него новенький шелковый котелок.

Трижды он останавливался возле калитки, потом с внезапной решительностью распахнул ее и направился по тропинке к дому. Миссис Уайт торопливо скинула передник и повесила его на спинку стула.

Она пригласила незнакомца в комнату. Он выглядел так, будто что-то тяготило его; украдкой бросал взгляды на миссис Уайт и озабоченно прислушивался, как старушка извиняется за беспорядок. Она терпеливо ждала, когда же он перейдет к делу— что-то ведь привело его к ним: но гость отмалчивался.

— Я... меня попросили зайти,— выдался он наконец и, нагнувшись, снял шерстинку с брюк.— Я представляю фирму «Мас и Меггинс».

Старушка насторожилась:

— Что-то случилось?— затаяв дыхание, спросила она.— Что-то с Гербертом? Да?

— Ну-ну, мать,— поспешно вмешался муж.— Сядь и успокойся. Этот господин не мог принести нам плохие новости, я уверен.

— Мне очень жаль,— начал гость.

— Он поранился? — требовательно сказала мать.

Незнакомец кивнул.

— Он очень серьезно поранился,— негромко произнес он.— Но боли уже не испытывает.

— Слава Богу! — молитвенно сложила руки перед грудью старушка.— Слава Богу! Слава...

Она резко осеклась, когда зловещее значение его слов дошло до нее. У матери Герберта перехватило дыхание, и, повернувшись к своему несообразительному мужу, она коснулась его дрожащей старой рукой. Наступила долгая тишина.

— Его затянуло в одну из машин,— наконец сказал гость сильным голосом.

— Затянуло в машину,— полусонно повторил мистер Уайт,— да.

Он сидел, уставившись невидящими глазами в окно и сжимая в ладони руку жены: последний раз он держал ее так, когда ухаживал за ней лет сорок назад.

— Он был у нас единственный,— обернулся старик к гостю.— Это так тяжело.

Гость кашлянул, поднялся и медленно подошел к окну.

— Фирма попросила меня выразить вам глубочайшее соболезнование по поводу вашей невосполнимой утраты,— сказал он, не глядясь.— Я прошу, чтобы вы поняли, что я всего лишь служащий, всего лишь исполняю приказ...

Ответа не последовало. Лицо старушки побелело, глаза остекленели, а дыхание почти не улавливалось. На лице ее мужа было такое же выражение, которое могло бы быть у его друга, когда тот впервые поднялся в атаку.

— Я уполномочен заявить, что «Мас и Меггинс» отказывается нести всю ответственность,— продолжал незнакомец.— Но в знак признательности за добросовестную службу вашего сына она хочет предложить вам скромную сумму, своего рода компенсацию.

Мистер Уайт выпустил руку жены и, вскочив на ноги, с выражением ужаса на лице уставился на гостя. Одно слово слетело с пересохших губ:

— Сколько?

— Двести фунтов.

Старик слабо улыбнулся, вытянул руку, точно слепой, и рухнул без чувств на пол.

Герберта похоронили на огромном новом кладбище в двух милях от дома.

Все произошло так быстро, что сначала старики с трудом понимали происходящее и ждали, как будто еще должно что-то случиться,— что-то еще случиться,— что-то еще, что ослабило бы этот груз, слишком тяжелый для их сердец.

Но проходили дни, и ожидание уступило место смирению — безнадежному смирению старости, которое иногда неверно называют апатией. Теперь они редко разговаривали, потому что не о чем было говорить. И дни казались им до утомительности долгими.

Примерно через неделю после всего этого старик проснулся вдруг среди ночи, протянул руку и обнаружил пустоту рядом с собой. В спальне было темно, и только звук приглушенных рыданий доносился от окна. Он приподнялся в кровати и прислушался.

— Вернись,— мягко попросил он.— Ты замерзнешь.

— Моему сыну еще холоднее,— отозвалась жена и снова зарыдала.

Ее всхлипывания постепенно уплывали все дальше, от кровати шло тепло, а глаза слипались. Он задремал. Неприятно дикий крик жены разбудил его:

— Обезьянья лапка! Обезьянья лапка!

Он вскочил:

— Где? Где она? Что случилось?

Спотыкаясь, она подошла к нему:

— Она нужна мне. Ты ведь не уничтожил ее?

— Она в гостиной, на полке. Но зачем?..

Старушка засмеялась и заплакала одновременно, нагнулась и поцеловала его в щеку.

— Я только сейчас подумала о ней,— истерично сказала она.— Почему я раньше об этом не догадалась? Почему ты не подумал об этом?

— О чем об этом? — не понял он.

— Еще два желания,— выпалила она.— Мы ведь использовали одно.

— Разве одного мало? — яростно спросил он.

— Нет! — победно закричала она.— Мы попробуем еще раз. Спускайся и быстренько принеси ее. И пожелай, чтобы наш мальчик ожил.

Старик сел в кровати и откинул простыню:

— Господи Боже, да ты с ума сошла!

— Принеси,— задыхалась она.— При-

неси быстрее и загадай... О, мой мальчик, мой мальчик!

Муж достал спички и зажег свечу.

— Ложись в кровать,— нетвердо приказал он.— Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Но ведь первое желание исполнилось,— лихорадило ее.— Почему бы и второму не исполниться?

— Совпадение,— заикаясь от волнения, сказал он.

— Иди принеси ее и загадай желание! — закричала старушка и потянула его к двери.

В темноте он спустился, ошупью пробрался в гостиную, а потом к камину. Талисман лежал на своем месте; от страха, что безмолвный сын может вернуться и вцепиться в него прежде, чем он убежит, у него перехватило дыхание. Он вдруг с ужасом понял, что не знает, где дверь. Холодный пот выступил на лбу; он пошарил в темноте, дотронулся до края стола, потом до стены, и лишь тогда обнаружил, что стоит в маленьком проходике, а рука его сжимает обезьянью лапку.

Когда он возвратился в спальню, лицо жены белело во мраке. Взгляд ее был неестественный, и он испугался за ее рассудок.

— Пожелай! — воскликнула она.

— Это глупо и... опасно,— запинаясь, ответил он.

— Пожелай.

Он поднял руку:

— Я хочу, чтобы мой сын ожил.

Талисман упал на пол. Старик испуганно смотрел на него. Затем, весь дрожа, опустился в кресло, а старушка с горящими надеждой глазами подошла к окну и отдернула занавеску.

Свеча медленно таяла, слабый огонек колеблющимися тенями метался по стенам и потолку, пока, наконец, не вспыхнул ярче напоследок и погас.

Не сработала, подумалось старику с непередаваемым облегчением. Он лег в кровать, а минуты две спустя жена молча и апатично легла рядом.

Они молчали, прислушиваясь к тиканью часов. Скрипнула лестница; где-то в стене зашуршала мышь.

Темнота угнетала. Полежав некоторое время, чтобы набраться храбрости, муж

взял коробок спичек, зажег одну и пошел вниз за свечой.

На последней ступеньке спичка потухла, и старик замешкался, чтобы зажечь другую. И в этот самый момент в дверь постучали, так тихо и отчетливо, что едва было слышно. Коробок выпал из руки. Старик замер и затаил дыхание, ожидая, когда стук повторится. Потом развернулся и влетел вверх по лестнице обратно в спальню, захлопнув за собой дверь. Стук раздался снова.

— Что это? — встrepенулась старушка.

— Крыса, — дрожащим голосом ответил старик, — крыса. Она пробежала мимо меня по лестнице.

Жена села в кровати и прислушалась. Громкий стук разорвал тишину.

— Это Герберт! Герберт!

Она рванулась к двери, но муж поймал ее за руку и крепко сжал.

— Что ты собираешься делать? — хрипло прошептал он.

— Это мой мальчик, это Герберт! — машинально пыталась она вырваться. — Я и забыла, что кладбище далеко от нас. Зачем ты меня держишь? Пусти! Я должна открыть дверь.

— Ради Бога, не давай ему войти! — закричал старик.

— Ты пугаешься своего собственно-

го сына? Пусти меня! Я иду, Герберт! Иду!

Стук повторился, в другой раз. Внезапным рывком старушка высвободилась и выбежала из спальни. Муж выскочил за ней на лестницу, умоляя ее вернуться.

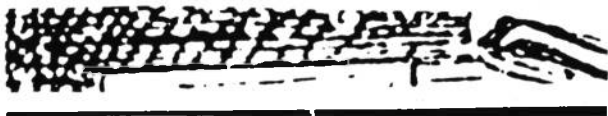
Он услышал, как загремела цепочка, как с трудом, нехотя подается нижняя задвижка. Напряженный, задыхающийся голос старушки:

— Верхняя задвижка... Спускайся, я не могу дотянуться до нее.

Но муж не слышал ее. Опустившись на карачки, он по-звериному ползал по полу в поисках лапки. Если бы только он мог найти ее, прежде чем то, снаружи, войдет внутрь! Непрестанный грохот ударов сотрясал дом. Заскрипел стул, который жена подвинула к двери. Заскрежетала задвижка, но тут он нащупал обезьянью лапку и неистово выдохнул свое третье и последнее желание.

Стук резко прекратился, но эхо его все еще металось по дому. Открылась дверь. Холодный ветер рванулся по лестнице, неся с собой долгий, истощный вой отчаяния и муки. Все это придало старику мужества, и он сбежал вниз, к жене.

Уличный фонарь освещал тихую, пустынную дорогу.

СТАРИК

Произведения знаменитого некогда американского писателя Ховарда Филлипса Лавкрафта (1890—1936) только-только начинают появляться в наших периодических изданиях. На родине известность к нему пришла поздно — при жизни он так и не сумел выпустить ни одного сборника своих повестей и рассказов. Зато потом его объявили продолжателем традиций Эдгара По и «королем ужасов» начала двадцатого века. Нынешний «король ужасов» Стивен Кинг считает Лавкрафта своим учителем. Предлагаемый вниманию читателей «Лада» самый короткий рассказ писателя «Старик» еще не переводился на русский. Он взят из посмертного сборника «Данвичский ужас и другие лучшие истории Х. Ф. Лавкрафта».

Только Анжело Риччи, Джо Кзанеку и Мануэлю Сильве могло взбрести в голову навестить Старика. Этот Старик жил одиноко, в очень древнем доме на Уотер-стрит, рядом с морем, и имел репутацию человека исключительно богатого и исключительно немощного, что, в общем-то, и благоприятствовало тому, чем занимались господа Риччи, Кзанек и Сильва. А занимались они грабежом.

От посягательств подобных джентльменов Старика оберегали слухи, бродившие среди обитателей Кингспорта, хотя, несомненно, в его затхлом и почтенном жилище грабителей ждала бы удача. Он был и вправду человеком странным, верившим, что в свое время был капитаном на быстроходных парусниках Восточной Индии; он был так стар, что никто не помнил его молодым, и так молчалив, что немногие знали его настоящее имя. У себя во дворе, среди кривых деревьев, он собрал коллекцию больших камней, странно сгруппированных и раскрашенных так, что они смутно походили на восточных идолов. Эта коллекция отпугивала мальчишек, которые любили подшучивать над длинными белыми космами и бородой Старика и разбивать маленькие окна в его доме безжалостными булыжниками. Но было и другое, отпугивающее людей постарше и посерьезнее, которые иногда подкрадывались к окнам и заглядывали внутрь через пыльные стекла. Эти люди говорили, что на столе в пустой комнате на

ЛИТЕРАТУРА
УЖАСОВ:
классика
жанра

первом этаже стоит много бутылок, и в каждой из них на веревке подвешен маленький кусочек свинца, напоминавший маятник. И еще эти люди говорили, что Старик беседует с бутылками, обращаясь к ним по именам — Джек, Морда-Со-Шрамом, Долговязый Том, Испанец Джо, Питерс и Мэйт Эллис, — а маятники, будто в ответ, качаются внутри. Видевших это никогда больше не тянуло подсматривать за Стариком. Но Анжело Риччи, Джо Кзанек и Мануэль Сильва не были родом из Кингспорта. В Старике они видели просто шатающегося, почти беспомощного седобородого старца, который не может ходить без своей суковатой палки и чьи тонкие, слабые руки жалобно трясутся. Им было даже жалко одинокого, нелюдимого старичка, которого в городке избегали, на которого неистово лаяли собаки и которого они решили ограбить. Но дело есть дело, и для грабежа Старик был подходящей приманкой. Разве стоило колебаться из-за очень старого и очень немощного человека, не имеющего счета в банке и расплачивающегося в местной лав-

ке испанским серебром и золотыми, отчеканенными два столетия назад?

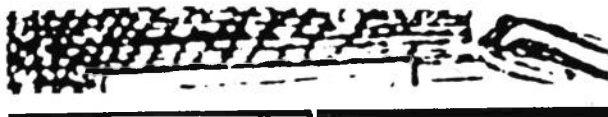
Для визита Риччи, Кзанек и Сильва выбрали ночь на 18 апреля. Мистер Риччи и мистер Сильва должны были потолковать с бедным старым джентльменом, в то время как мистер Кзанек должен был поджидать их в закрытом автомобиле на Шип-стрит, возле ворот в высокой задней стене, окружавшей хозяйские владения. В случае появления полиции его задачей было тихо и незаметно смыться.

Как и было запланировано, добились по одному, чтобы отвести подозрения. На Уотер-стрит перед воротами Старика господа Риччи и Сильва встретились. Им не понравились раскрашенные камни, на которые сквозз ветви сучковатых деревьев падал лунный свет, но были вещи более важные, чем просто глупое суеверие. Они боялись, что им предстоит неприятная работенка — разговаривать Старика, ведь выжившие из ума морские капитаны так упрямы. В конце концов их двое, а он и стар, и хил. А потом, у господ Риччи и Сильвы имелся богатый опыт по превращению молчунов в болтунов. Они крались к единственному освещенному окну, слыша, что Старик, как ребенок, беседует со своими бутылками. Затем они натянули маски и вежливо постучали в старую, с пятнами и подтеками дубовую дверь.

Для мистера Кзанека, беспокойно ерзавшего в закрытой машине у задних ворот, время тянулось очень медленно. В душе он был человеком мягким, и ему совсем не нравились ужасные крики, которые доносились из древнего дома. Говорил ли он своим друзьям, чтоб они пообходительнее были с этим жалким дряхлым капитаном? Нервно он смотрел на те узкие дубовые ворота в увитой плющом каменной стене. Бросал взгляд

на часы, удивляясь задержке. Неужели Старик подох, так и не выдав, где прятал сокровища, неужели пришлось обшаривать весь дом? Мистера Кзанека совершенно не прельщало ждать так долго в темноте и в таком месте. Потом он услышал мягкие шаги по дорожке и легкие постукивания. Кто-то стал нащупывать ржавую ручку, и узкая тяжелая дверь отворилась внутрь. Он напряг зрение, чтобы разглядеть в бледном свете одинокого уличного фонаря, что ташат его дружки из того зловещего дома, неясно маячившего позади. Но это были вовсе не дружки, это был Старик, опирающийся на суковатую палку, и улыбка его была ужасна. Такой цвет глаз Кзанек никогда не встречал прежде у людей; глаза были желтые...

Самые незначительные происшествия в маленьких городках могут возбуждать значительное волнение, и именно они послужили причиной того, что всю ту весну и все лето население Кингспорта рассказывало друг другу о трех неопознанных трупах, которых омывал прилив — страшно искромсанных, как будто абордажной саблей, и страшно истоптанных, как будто жестокими каблуками. А некоторые говорили даже о таких тривиальных вещах, как, например, покинутая машина, найденная на Шип-стрит, или некие нечеловеческие крики, похожие на крики заблудившегося животного или перелетной птицы, которые слышали той ночью бодрствующие граждане. Но эту глупую историю и Старика никак не связывали. Сама природа защищала его, ведь когда ты стар и немощен, она вдвойне оберегает тебя. А кроме того, дряхлый капитан наверняка был свидетелем событий гораздо более волнующих, на которые так щедро была та далекая пора — его не оставшаяся в памяти молодость.

ЧЕТЫРЕ ЧЕРНЫХ ПЕТУХА

Евсей Мизгирёв отправлял сына в Шонгуй постигать бочажное и глинобитное ремёсла. Учиться — не лениться строго-настрого наказывал:

— Ушаты, шайки, кадушки завсегда спрос имели, сынок, а печи и подавно. Первым человеком в крае будешь, коли овладеешь мастерством...

Однако впрок отцовский наказ не пошёл. В Шонгуй Ипат скоро освоился, завёл городских дружков, девушку-Сонечку, дочку кладбищенского сторожа.

Незлобивый от роду, Ипат не раз был смертно бит по пьяному делу, и сам наловчился вышибать зубы. Здоровьем-то Бог не обидел.

Отцовских денег не хватало ни на выпивку, ни на карты, и вскоре Ипат с Сонечкой изобрели способ поживиться...

До отца донеслось, чем вместо обученья промышляет сын, и он затребовал Ипата домой.

— Оставайся, Ипат, залюбила я... — куссилась Сонька.

— Тятка у меня строгой, — оправдывался дружок. — Опять же хозяйство тамо-ка...

Устроился Ипат на ожидавшей его подводе, в последний раз оглянулся и захолоноул. Там, где только что утиралась здоровенных черных петуха. Трясущиеся гребни и бородки необычных птиц казались брызгающими струями крови... Тряхнул парень головой: нет, стоит Сонька, непривычно грустная, платочком машет.

«Откуль тут живности взятыся, — успокаивал себя Ипат. — Примерещилось. У дядьки Ефрема никакой живой твари, кроме кота, отродясь не водилось...»

И приятно Ипату, что Сонька, которая по первости не слишком его ценила, теперь невесёлая...

Выступал по улице родной Кленовицы Ипат Мизгирёв надменно: смотрите, сельчане, кто идёт! Сапоги кожаные в гармошку, штаны настоящие суконные с напуском, рубаха атласная синяя и картуз новыи с лакированным козырьком. Мизгирёвы не лапотники!

Отца, правда, нарядный вид сына не смутил. Сохватал Евсей беспутного за ухо, прямо во дворе, при честном народе, и давай драть, да пониже кушака супонью приглагоживал, под руку попала. Разгорячась, стащил шикарный картуз — Ипатову гордость и распознул на три части шорным ножом. Изуродовал и нахлобучил сыну на лоб:

— Вот тебе, бестолочь, за отцовский позор...

В деревнях подобные происшествия неделями обсуждают.

Владился Ипат на третий вечер на посиделки: сапоги дёгтем смазал, вехоткой блеску напустил, пожалел о картузе... О Насте вспомнил, и не поверилось Ипату, что когда-то от нее — не от отца с матерью — уезжать не хотелось.

Посиделки встретили Мизгирёва хохотом.

— Во! Точно! Ипат, а картуз-от где? — спросил Васька Петухов — одногодок из соседней деревушки. Ипат, не отвечая, не здороваясь, прошёл и опустился на лавку, рядом с Настей. Смотрел на неё, пугливую, потупившуюся, а видел Соньку.

«Эх, Настя! Куда тебе до той стержочки... Та — огонь! Сгоришь — за счастье примешь, а с тобой... Невесело с тобой. Холодно, и говорить не о чём, разве пышкать да в пол глядеть?» — подумал Ипат и переместился к парням в угол, где вовсю делили четверть первача. Пока не захмелел, не обращал Ипат внимания на шутки, а окосел — заело. Пригодилась сноровка. Своих кленовичан не тронул, сдержался, но гужовских троих выпинал из избы. Девочек всех перепугал.

Васька Петухов, убегая, хлюпя разбитым носом, выкрикнул:

— Ууу! Мизгирь вонючий! Кабы пригидился этта Колька Канюк, ты присидел бы весь вечер у Настюхина подолу, с места не встал...

Васькины слова достигли, больно задела хмельную Ипатову голову. Канюков по празднику, ещё до Шонгуя, закатил задире кулаком в лоб. Ипата еле

откачали, чуть не преставился и винюватым сам остался — первым наплыл.

«Вот бы сейчас Канюка встретить, сосчитался бы... Да навряд ли он на сделки припрётся, женился недавно, ряженку какую-то окрутил, дома уж поведали...»

Отец разнеживаться, отлынивать Ипату не позволял. По утрам отправлял проверять капканы, осеред дней перекрывали на гумне навесы, позже занялись латать хлев.

И сравнивал Ипат тяготную деревенскую жизнь с развесёлой городской, и тянуло бросить всё, и сбежать в Шонгуу.

Одно в деревне развлечение — посиделки. Ипат зачастил на них. Удавалось — тискал в сенцах Настю, и она начала бояться: старалась не оставаться наедине.

Петухов передал Кольке Канюкову или кто другой, что Ипат Мизгирёв грозится, только сошлись они.

— Ха! Женатик пришёл! — с оттенком барственности в голосе взвыл Ипат. Голова его отчаянно заработала: надо осрамить Канюка перед молодаяжками...

— Здоров, бочар, — не обращая внимания на тон, откликнулся Колька и отвернулся, продолжая судачить о чём-то с Петрухой Крушняковым, сыном лесничего. Этим «бочар» он стукнул больнее, чем тогда кулаком. Ипат взбеленился. На глаза ему попалась крепкая, кованая кочерга. Схватил он её за концы и, наливаясь злобой, согнул дугой, бросил на пол.

— Кто выпрямит? Есь ли ошшо мужики в избе?

Ребята нерешительно топтались. Вот она, клюка. Разогни попробуй, ежели толщина в палец.

— Ну, — довольно засмеялся Мизгирёв, — нету мужиков! А ты, женатик-Канюк, слабо?

Колька, не говоря ни слова, поднял кочергу, повертел в руках и напрягся. Лицо налилось кровью, потная рубаха лопнула на плечах: клюка поддалась, Колька согнул её ещё сильнее, почти завязал узлом, но вдруг выпрямил и повесил на припечек.

Ярость охватила Ипата. Он выбежал на улицу. В пылу осенил — только кладбищем Кольку можно взять. Все здесь кладбищенских ворот больше огня бояться. Даже днём на погост, в неуроч-

ЛИТЕРАТУРА УЖАСОВ: новое имя

ный час, без дела, никто не заглядывает, а ночью-то и по делу не послать. А Ипат с Сонькой в Шонгуе могилы разрывали: схоронят кого в богатой одежке, Сонька тут как тут — пошли, Ипат. Деревенским про то невдомёк. А как Ипат дрожал сначала, но мог ли он выказать девке страх? После трёх раз привык. Обычное дело. Мёртвым всё равно, в чём лежать: мёртвые не мёрзнут, не потеют.

Забежал Ипат на кладбище, ослеповал могилу понеухоженной, беспризорную — наверняка в деревне родни нету, и выворотил крест. Взвалил на плечо и понёс.

— Во! — стукнул крестом посередине избы. — Принимайте!

Сначала все оцепенели... После девушки завизжали и, побросав прясла, кинулись вон. Парни за ними. Потянулся к выходу и Канюков.

— Эй! Канюк, куда? — пытался остановить его Ипат. — Ты у нас вон какой проворный, может, отнесёшь штуку, к месту приставишь?

— Отстань, недоумок! — испуганно вырвался Канюков из цепких Ипатовых клешней.

В избе осталась одна Настя. Она крестилась и голосила:

— Ипатушка! Грех-от какой! Отнеси, Ипатушка... Христа ради...

Сплюнул Ипат и потащил ношу обратно. Долго разыскивал холмик, который осквернил, но так и не нашёл. Надоело. Бросил крест, не глядя куда, и домой пустился.

Проходя мимо церкви, Ипат встал, как вкопанный: лестница! Три раза проходил мимо, не видел! Кто её приволок? Кто приставил к стене под колокольню? Канюк разве? Не должно...

Из-за облака выглянула яркая полная луна. А на лесне-то сидит кто-то. Кто таков?

Ипат приблизился вплотную:

— Эй! Ты! Чаво расселся? Кыш!

Непонятный, серенький, маленький — человек вроде, продолжал сидеть, ёжась и помалкивая, не замечая Ипата.

Ух ты! А на голове-то у сидня шапка — не шапка, кепка — не кепка, а что-то наподобие маленького колпачка. В лунном свете шляпка поблёскивала голубоватыми искорками.

— Диковина! — и, протянув руку, Ипат снял шляпку. — Буквы-то, буквы какие... Это мне взамен изорванного батеи картуза Бог послал. Парни завтра от зависти подохнут!

Колпак пришёлся впору, и домой Ипат летел, не чувствуя под собой ног.

Укладываясь спать, думал: уйдёт незнакомец простоволосый или начнёт разнаскивать шляпку, когда проснётся? Не отдам! Неча спать на улице...

Едва Ипат коснулся головой подушки, в избе сделалось светло как днём, даже светлее, будто луна закатилась в окошко...

Загулял сквозняк, да такой сильный, что дверь на мост отворило. По мосту заскакали, покатились кадушки с соленой, как ожили, а из них завырывают, запичкали, зашлёпали навроде лягушек, грибы. В печной трубе завыл, не тише сотни голодных волков, ветер.

Вздыбились волосы Ипатовы. Штаны натягивал: то обе ноги невпопад, то в одну брючину... Дверина в говбец затрещала, застонала, и вдруг из-за неё с хлопанием, издавая громкие каркающие звуки, вылетели четыре чёрных петуха.

Выскочил из горницы отец:

— Свят... Свят... Господи, помилуй грешных...

А ветрило обезумел: подломилась ножки стола, и столешница заползала по полу кругами. Запрыгали в судёнке горшки, бочонок с водой опрокинулся, но вода не выливалась. Ипат хотел поставить его, хватя, а в бочонке-то — лёд! Заперебирался волнами потолок, из пазов посыпались опилки. На подволоке стадо быков будто, того и гляди — матица обрушится. Ложки забегали, забарабанили по стенам. А свет стоял такой, какого ни Евсей, ни Ипат отродясь не зрвали. И над всем этим летали чёрные петухи. Они, точно слепые, бились в печную трубу, стены, друг в друга: перья сыпались в разные стороны.

— Господи! Спаси Христос! — следом за Евсеем из горницы выбежали жена

и дочка, и как были, в одних исподках, кинулись на улицу.

— Спасайте, люди добрые, горим!

— Какое горим! — обгоняя, завопили Евсей с Ипатом, — ни жару, ни смороду!..

Жукнул Евсей дочку:

— Бежи скорее до батюшки Сидора! Так и говори, дочка, нечисть, мол, дукется в хоромах.

Отец Сидор, на глазах Мизгирёвых и всё увеличивающейся людской толпы — кто с батоном, кто с фонарём, — трижды заходил в сполошную избу. Переступит порог, осенит святым крестом стены, молитву воскресную затянет — всё стихло. Только выйдет на волю — снова треск-стук-гам, да молнии в избе — с улицы слышать и видеть. Толпа со страху трясётся, Мизгирёвы рёвом исходят.

— На Господа надежа, — пробормотал батюшка. — Молите Бога, милостив Господь... — и не оглядываясь, засеменял прочь.

Мизгирёвы заблажили ещё сильнее. А кто-то, пытаясь образумить соседей, кричал:

— Евсей Лукич! Отправляя нарошного на Гужово, к Прокопу, он в эдаких делах знающий...

Другой шептал:

— Ипатку-ту твою вечер видали — крёст с кладбища волок, вот...

Что было бы дальше? Но тут к народу подошли из темноты Кирилл Крушняков — лесничий и Прокопей Савин, которого только что поминали. Прокопей, оказавшись, гостил у Крушнякова.

Жена и дочь Евсея повалились знахарю в ноги, подвывая, невразумительно объясняя суть.

Седовласый, немощный на вид старец обошёл их, двинулся к избе, но, не доходя до крыльца, замер. Замер и столпившийся честной люд, а в доме боботало, шёлкало, звенело, мычало, хлопало, потрескивало...

Прокопей повернулся, и скрипуче растягивая слова, негромко, словно заклинание, проговорил:

— Голова дадена думать-мнить, да помнить, а не токо шапку носить...

Никто ничего не понял, а Ипат сообразил: шляпку вернуть надо! Хорошо с собой она, — за пазухой. И он украдкой отделился и побежал к церкви. Там ли усталый путник?

Знахарь повторил слова ещё раз, и народ, изумившись наступившему в хоромах покою, загоношился:

— Поглянь-те, а? Вот чудо-то: Сидор три раза пытал, молитвы пел, а без пользы. Прокопей Саввич два слова моливал и всё чередом. Иди, Евсей, огляживай хоромы, покуда Прокопей этта...

Евсей, прихватив соседа с фонарём, сунулся в темноту избы, и не поверил глазам: чин-чинарём, всё по местам — ни петухов, ни перьев. Евсей долго благодарил Прокопея, но тот, уходя, оглянулся и сказал:

— Ни при чем тут я... А память блюсти надо, и сыну накажи...

И только тут спохватились — нету Ипатки...

У церкви Ипат сбавил прыть. Темно. Он пристально вгляделся: где тут стояла лесня... Серенький путник сидел также — не шевелясь, молча. Надел быстренько Ипат на него шляпку и к дому повернул, но прямо перед ним, на околицерковной высланной камешником площадке, затанцевал, раскачиваясь, сверкая тем же, что и колпак путника, искристым блеском, крест... Ипат попятился и наткнулся на что-то. Обернулся — мама! Мертвяк! Даже в темноте Ипат опознал его сразу — тот, которого с Сонькой первого раздели! Вот он — голый!

— Врёшь! — Ипат рванулся, дико крича, в сторону, но и там — кругом — мертвяки. Все четверо здесь!

Кинулся Ипат к лестнице, будто бы там — защита! Но лестница исчезла, а колпак путника сам собой наделся Ипату на лоб и закрыл глаза. Сдёрнул его Ипат, швырнул, а он к рукам льнёт, не летит...

— А-аааа!!! — зажмурился парень и головой вперёд помчался на мертвяков. Подвернулся под ногу скользкий голыш...

Падая, Ипат успел выставить кулаки с налипшим колпаком. Он не слышал, как глухо тренькнув, загудел, оборвавшись с высоты, тяжёлый чугунный колокол...

В горячке Ипат не почувствовал боли в раздробленных кистях. Он увидел живых, родных, спешащих к нему людей и стремился к ним.

«РУССКАЯ АМЕРИКА»

Так называется новый иллюстрированный историко-географический журнал, уделяющий большое внимание литературе и искусству. Он начинается выходить в 1992 году, когда весь мир отмечает 500-летие великого плавания Колумба. Этот юбилей совпадает с другим. 260 лет назад русские мореходы открыли и впервые нанесли на карту побережье Северо-Запада Америки. Освоенные вслед за тем земли получили название Русской Америки.

«Русская Америка» предоставляет трибуну многим жанрам литературы и искусства, в первую очередь тем произведениям, которые затрагивают темы Русской Америки, путешествий, связей России и Америки.

«Русская Америка» выступает проводником русского искусства в Америке и американского в России.

«Русская Америка» отражает жизнь русской эмиграции в Америке.

«Русская Америка» информирует о порядке выезда граждан Российской Федерации в Америку, публикует практические советы и консультации по оформлению виз и заключению контрактов на работу.

Во втором полугодии 1992 года выйдут два первых номера журнала. Цена одного номера — 7 руб. 50 коп.

В 1992 году журнал распространяется по почте наложенным платежом по заявкам, направленным в адрес редакции, и через розничную торговлю по заявкам, направленным в адрес редакции, и через розничную торговлю.

Адрес редакции: 160034, Вологда-34, а/я 84.

Телефоны: в Вологде (817-22) 3-28-67; в Москве — (095) 925-97-69 (представитель «Русской Америки», размещающийся при редакции журнала «Мир путешествий»).

ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХА

«Искупление греха» — роман о перевоспитании преступника, об его исправлении. Исправительно-трудовое учреждение, где происходит этот процесс, часто понимают не совсем верно — как место, где общество карает осужденного за его грех. На самом деле все сложнее, многое вообще скрыто от глаз отбывающего наказание и становится ясным через много-много лет, когда он «душевно» перестает враждовать с людьми и становится нормальным человеком. Я не останавливаюсь здесь на причинах преступности, они всем достаточно ясны, речь в романе пойдет о двух методах или системах перевоспитания — коллективистской и индивидуальной, типа монашеского делания, без которых преступнику, если он хочет «спастись», видимо, не обойтись.

Автор.

Лешуков чуть не с первого своего дня постоянно чувствовал вокруг какую-то другую жизнь, шедшую как бы параллельно с его настоящей жизнью. Непонятно почему эти две жизни иногда сливались, и весь мир тогда ярко вспыхивал. Это был удивительный праздник. Впоследствии он понял, что в нем очень сильно было мистическое начало и оно, сливаясь с обычной серой действительностью, вот так ее украшало. Никому эта его особенность не была известна, а сам он глубоко осмыслил ее тогда, когда три раза побывал в тюрьме, попал в четвертый, и все, кто его знал, поставили на нем большой жирный крест.

Однажды лежал он в бараке на нарах ночью, кругом храпели зеки, матюгались во сне, стонали, стояла невыносимая вонь от мокрых портянок, горохового супа, съеденного в ужин, от подгнивших половиц пола и еще непонятно от чего. Совершенно ясно он вспомнил себя маленького, в коротких штанишках, в матросской курточке, выбегающего из подъезда своего дома. Мать с отцом работали, днем за ним и за младшей сестренкой присматривала нянька, добрая, но очень уж старая и медлительная. Он выскочил и напрямик побежал к кочегарке, которой терялась в глубине подвальной лестницы. Нянька вышла следом и увидела уже одну только его голову:

— Дима, стой! Куда ты? Там яма! — завопила она. Он высунулся из лестничного колодца и заявил:

— Хочу в яму! — Сейчас это «хочу в яму» в свете четырех सदимостей выглядело до ужаса символично.

Еще один непонятный случай произошел с Лешуковым, не в этой зоне, а на севере, куда он совсем желторотым прибыл отбывать первый срок. Пришли этапом на открытую пересылку, там всего два барака и несколько палаток, не было даже бани, их в банный день окачивали водой из железной бочки. Сел он играть в карты, ночью, с заключенным по кличке Бес (сейчас эта кличка кажется придуманной специально). Выиграл деньги, еще чего-то, заказал водки, ее должны были принести утром из-за зоны бесконвойники, и в это время к нему подошел надзиратель, молодой, в сержантских погонах, чего-то спросил «для понту» и подмигнул — выйди, мол. Вышли из барака, было светло, как днем — в тех местах солнце летом вообще не заходит. Надзирателя звали Чернобурка. Он говорит Лешукову:

— В картишки поигрываешь?

— Откуда ты взял?

— От верблюда. Возьму сейчас и в изолятор отведу.

Насчет изолятора он перегибал, его на пересылке не было, только еще со-

бирались строить, а нарушителей отправляли в строительную зону за пять километров. Лешуков знал, что посадить его — целая проблема: у строителей своих лоботрясов хоть отбавляй, на каждое место очередь по пять человек. Но дело было не в этом: откуда он узнал, что они с Бесом играли в карты? Видеть не мог, значит, кто-то доложил. Вот тебе, пожалуйста, и это преступный мир, падлы, а не жулики! Чернобурке, видимо, вот этого и хотелось, — чтобы шустрый заключенный все это себе уяснил.

— Сколько срока привез?

— Шесть.

— Вот видишь — шесть, а их ведь надо отсидеть.

— Отсидим, какие наши годы.

— Календарем и дурак отсидит.

— Что же теперь, стреляться?

— Никто не говорит, чтобы стреляться: ты нам помоги, мы тебе поможем. Чем шесть лет пыхтеть, можно за трояк обернуться — мышей надо ловить!

— Ловим и так.

— Не там, где надо, в картишках ничего не выловишь... — Насчет картишек, это уж он задел за большое место — какой же лагерь и без карт?

— Ты мне тыюлку не гони, чего привязался? — Лешуков начал злиться.

— Не гоношись, не на барахолковке, я тебе дело предлагаю. — «Вот гад, — подумал Лешуков, — И они на севере все глаза поотмораживали, заблатненные чище урок!» На умную бы голову следовало на все это плюнуть и уйти, но Лешукова будто бес подтолкнул (не тот ли самый?), и он сделал запрещенный ход:

— Чего я должен делать?

— Точкуй блатных, ну, и нам...

— Не много ли хочешь? — На этом они расстались. Чернобурка, походя уже, погрозил пальцем, многозначительно, специально обернувшись:

— Смотри, разговор между нами.

Утром принесли водку. Лешуков выпил и весь ночной разговор разболтал по пересылке, надзирателя обсмеял, а себя выставил в выгодном, прямо героическом свете. После завтрака внезапно объявили общее построение, проверку по личным делам: Петров, Иванов, Сидоров — где родился, где крестился, статья, срок?.. У Лешукова тревожно заняло сердце. Построились. Проверили наличие

людей — счет сошелся, никто не спрятался и в побег не ушел. Лешуков подумал: «Промело», но в это время к нему подошел надзиратель, не Чернобурка, другой, незнакомый, и заговорщицки шепнул:

— Пошли на вахту.

Чего ждать на вахте, было понятно. Там Чернобурка, будто между ними ничего и не было, показал на ведро с водой, на тряпку и сказал:

— Мой пол.

Позорнее для заключенного, если ты, конечно, в ролях, на что-то претендуешь, нет ничего. Заставить мыть пол — значит, унижить тебя, растоптать, перетереть в навоз, в дерьмо. Лешуков не испугался, даже как-то усмехнулся в душе:

— Начальник, мы так не договаривались!

За разговором с интересом наблюдали солдаты-караульные.

— Мой, кому говорю! — Чернобурка переменялся в лице и ударил заключенного. Тот принял боксерскую стойку. В этот момент дверь вахты открылась и вошел старшина, кривоногий, коренастый, не то монгол, не то китаец, с автоматом «калалашниковым» на плече.

— В чем дело, что за шум?

— Ворика поймали, отказывается мыть пол, — проинформировал его Чернобурка.

— Почему отказываешься мыть? Почему не выполняешь приказ?

— Я не в армии... — начал Лешуков, но страшный удар отбросил его в угол.

— Бери тряпку, мой, сволочь! — Что произошло дальше, Лешуков плохо помнит, даже сейчас, перед самим собой, когда хитрить нечего, спрашиваются разные варианты; видимо, он все же потянулся за тряпкой.

— Отставить! — рявкнул старшина и сорвал с плеча автомат. — Бери топор! Скобли топором! — и он показал на топор, стоявший в углу караульного помещения.

«Ловушка! — эта ужасная мысль пронеслась молнией. — Сейчас только он возьмет топор, и этот «монгол» прощует его очередь из автомата. В деле зафиксировано: убит при попытке нападения на сотрудников охраны исправительно-трудового учреждения. Все будет законно, никто даже не понесет никакой ответственности...» В самый напряженной

ший момент, когда в черепную коробку Лешукову прямо долбил чей-то постронный голос: «Не бери, не бери!» — а ствол автомата заставлял взять, еще раз открылась дверь вахты и зашел капитан, начальник пересылки:

— Что здесь происходит? — Старшина опустил ствол и отошел к окну, мол, моя хата с краю, Чернобурка вытянулся по всем правилам:

— Товарищ капитан, вор отказывается мыть пол! — И здесь страшное напряжение отпустило Лешукова — обида, благодарность капитану за спасенную жизнь, все перемешалось. Он заплакал и закричал:

— Неправда! Он меня вербовал! У меня сестра заместитель прокурора области, я буду жаловаться!

Эти бессвязные крики, видимо, произвели на капитана впечатление:

— Как фамилия сестры?

— Бурмистрова.

— Почему не хочешь нам помогать? Воры несут людям страдания, ты тоже с ними? Ты должен искупить свою вину! — У капитана было коричневое, как бы выдубленное из грубой кожи лицо, он пронзительно смотрел на Лешукова, и тот понял, что настала решительная минута — сейчас решается его судьба. Все зависит от того, найдет ли он правильный ответ.

— Я хочу вам помогать, хочу, но никогда не буду провокатором! Я хочу помогать открыто! — Кажется, мир был заключен. Капитан устало и буднично обвел всех глазами, даже сейчас Лешуков готов поклясться, что где-то в глубине их плясал бесенок радости: — Он наш!

Это сказано было так торжественно и так весомо, будто в черепную коробку Лешукову был вбит гвоздь. Больше ни Чернобурки, ни капитана Лешуков никогда не встречал, его увезли на подкомандировку, перебросили на другую и никто, никогда не напомнил ему о том случае. Сам он, теперь уже ученый, молчал тоже. Что удивительное — освободили его ровно через три года, день в день, согласно комиссии Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1959 года, по ней многих освободили. Чернобурка и капитан честно выполнили свой договор. Что основное: душа его чиста, он никого не заложил, ни перед кем не унижился, все было в рам-

ках правил, он даже не надел на рукав красной повязки, но сейчас, за год до освобождения после четвертого срока, как-то безнадежно встал вопрос — это ли главное, не ошибся ли он, защищая свою честь, запятнанную в другом, воровстве, которым все эти годы продолжал заниматься и прекратит ли когда, одному Богу известно?

Ничего в этом не было особенного, это мог быть обычный, санкционированный метод перековки блатных; капитан и Чернобурка — обыкновенные «гнутари», какие были, наверно, в каждом лагерном подразделении, а подошли к нему либерально, поскольку он завopil — буду жаловаться, у меня сестра заместитель прокурора области!

Хотя в тридцать седьмом тоже так кричали — самим товарищем Сталиным козыряли. Всех пощелкали, невзирая на ранги и заслуги, о родственных же связях вообще говорить нечего.

Мог быть и такой вариант: капитан тут ни при чем, просто на него обиделся Чернобурка, которого Лешуков разоблачил перед всей пересылкой да еще и обсмеял. Хлопнули бы они его с «монголом», если бы не капитан. Сложно все это и не поддается осмыслению: возьми договор на три года; голос, прямо долбивший черепную кость: «Не вздумай взять, не вздумай взять!» — и само восклицание капитана — «Он наш!» Если все так, то это похоже на глобальную перековку с участием самого Господа Бога. Если предположить, что не было голоса, Лешуков перетрусил и сам его выдумал, то все равно закручено было здорово, и будь преступное начало в Лешукове послабже, эта троица повернула бы ему голову набекрень и воровской закон лишился бы еще одного своего верного почитателя. Клин, как говорится, вышибают клином. Какая преступная башка поддается обычному воздействию воспитателя, на это уйдут годы и годы, а тут тебе рраз и все готово за одни сутки. Здесь шок, стресс, смертельная опасность.

Конечно, прошли годы и Лешуков рассказал об этом случае своим приятелям. Все, как один, высказали мнение, что никакого перевоспитания не было, просто менты решили пустить его в расход для назидания другим, но он им двоюродной сестрой все карты перепутал. В эту схему не укладывался капи-

тан, амнистированные три года — это что, тоже случайность? Как бы там ни было, но Лешуков утвердился в мысли, что он счастливчик.

Такие примеры вмешательства высших сил можно приводить и приводить. Вот, например, еще один, самый, пожалуй, тягостный. После того, первого, срока он вышел на свободу, устроился на хорошую работу, но запил, связался с наркотиками, «сел плотно на иглу», переживал морфинную голодуху, попал в психушку, оттуда сбежал, только всех насмешив, отказавшись от лечения — он был не принудчик, и, если говорить по-честному, не один раз добрым словом помянул зону. В один из тяжелых дней он валялся на диване, трещала голова, мучил понос, выворачивало суставы, и на столе стояло блюдо с опий-бензойными каплями, из которых он уже выжег спирт. Бледно-коричневая жидкость подернулась пленочкой парафина, благоухала мятой, анисом и содержала микроскопический процент опия. Он гадал: уколоть или не уколоть? Парафин отфильтровался, но мог очень даже легко попасть в кровь и закупорить сосуд. Димка чувствовал, что сыграет в эту лотерею, другого выхода просто не было, он уже потянулся к шприцу... В это время постучали. Вошел незнакомый человек, представился Татарин, увидел блюдо, рассмеялся и сказал:

— Чего, Богу душу понес? Погоди раньше бабки в пекло...

Они «поправились» понтапоном, после чего гость предложил сделку — съездить с ним в зону с грузом наркотиков (именно в ту, в которой он сейчас добывает уже четвертый срок). За работу пообещал щедрую плату — ампулу пятипроцентного, конского, морфина и кубиков двести симплеса. Все это заимствовано из ветеринарной аптеки, но все равно, прекрасно годится и для человека. Для истинного урки торговать наркотиками это позор, но сам он торговать и не собирался, он только чуточку поможет: ну, самую капельку. Лешуков подумал и согласился — не подыхать же? Все прошло удачно: Татарин ограбил зону, вывез даже уникальный трельяж, облицованный цветной деревянной мозаикой, не говоря уже о деньгах и различных тряпках. Лешуков получил свою плату, возвратился в родной город, но, пока ехал от вокзала до дома в ав-

тобусе, попался на краже кошелька и получил три года.

Давно у Димки сидит мысль, что вот эти три срока, которые он ловит с роковой неизбежностью, особенно первый — три года, есть наказание за невыполнение, вернее, за нарушение им договора, заключенного на далекой северной пересылке. Такова плата за грех, за страшное преступление перед людьми. Вину свою Лешуков чувствует постоянно, она не проявляется конкретно, прямо, а все иносказательно, вроде как бы Иисусовых поучений в Священном Писании, кто-то настойчиво пытается внушить ему мысль о покаянии. Дело дошло до смешного: его двоюродная сестра, та самая прокурорша, которой он в трудную минуту так удачно козырнул, как-то спросила: «Ты сколько думаешь гулять в этот раз на свободе?» Всё в мире, даже родные, подталкивало его: давай работай, побыстрее плати долг, хватит прохлаждаться! Не смешно ли: всю жизнь он таскает у граждан из их карманов деньги, чтобы на них купить водки и напиться. Пьяный, естественно, какой работник? Себестоимость водки — копейки. Государство обманывает его, Димку Лешукова, требуя вместо копеек большие рубли, он, в свою очередь, ворует у граждан, граждане тоже, видимо, маху не дают... Наверно, есть какой-то ангел-хранитель, какое-то высшее существо. Не появились тогда Татарин, уколи Димка опий-бензойку, и неизвестно, что бы было. А так он жив, здоров, у него меньше девяти месяцев до свободы и маленькая надежда завязать воровство.

Димка смотрит на двухъярусные вагонки, недавно заменившие сплошные нары, они придвинуты почти вплотную друг к другу: лежат, спят Витка Стаальной, Толя Неспешило, Володька Рука, Татарин (не тот, другой)...

Спят друзья, с которыми Димка Лешуков цифирит, добывает наркотики, делится последним куском хлеба. Спят и враги, с ними он играет в карты, обманывает при помощи всяких гильотинок, вертунов, кладок. Спят активисты, это уже принципиальные враги, непримиримые, для них собственная свобода дороже всего, даже совести. Все они спят, но нет к ним у Лешукова зла, нет даже упрека, хочется всех понять и всех пожалеть.

Вологодское отделение Фонда социального развития России «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Направления нашей работы:

- **ПОМОЩЬ** в производстве экологически чистой сельскохозяйственной продукции, возрождении коневодства, организации мини-заводов по переработке грибов, ягод на месте их массового сбора;
- **СОДЕЙСТВИЕ** внедрению новых методов диагностики и лечения, восстановлению храмов и памятников истории и культуры, развитию материально-технической базы досуга, спорта, туризма;
- **ОРГАНИЗАЦИЯ** новых предприятий, оказывающих населению различные услуги и производящих товары народного потребления;
- **СОТРУДНИЧЕСТВО** с Русской Православной Церковью и благотворительными фондами, издательскими центрами. Отделение Фонда — один из учредителей газеты «Деловая Вологда»;
- **СОЗДАНИЕ** «Школы менеджеров» для бывших военнослужащих; заключение **ДОГОВОРОВ** с иностранными фирмами на поставку продовольствия, товаров и технологий.

Цель Фонда — помочь решению задач социального, культурного, духовного возрождения общества, становлению рыночной экономики России.

Основные задачи — организация и координация деятельности, объединение усилий государственных, общественных, религиозных, коммерческих организаций и граждан, желающих внести вклад в дело возрождения Вологодчины и всей России.

Деятельность Фонда строится без привлечения бюджетных средств. Мы зарабатываем деньги сами — и направляем их на поддержку нуждающихся, на возрождение искусства и ремесел, на развитие деловой активности вологжан.

Статус предприятий Фонда получили около двадцати предприятий области, занимающихся благотворительной деятельностью, производством товаров народного потребления, оказанием услуг населению. Такой статус освобождает от налогов в бюджет.

С предложениями обращайтесь по адресу:
160001, Вологда, Челюскинцев, 3, кабинет 16. Телефон 5-22-47.

**ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ — ОБЩАЯ МЕЧТА.
НАШ ФОНД ПОМОЖЕТ СДЕЛАТЬ ЕЕ РЕАЛЬНОСТЬЮ.**

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЛШЕБНИК ИЗ СТРАНЫ ОЗ

Повесть-сказка

Продолжение. Начало в № 4—6

Остаток дня прошел спокойно, ни одно происшествие не нарушило больше покой путешественников. Только раз Железный Дровосек раздавил маленького жука, ползшего по дороге. Это очень огорчило Железного Дровосека. Он всегда заболтался о том, чтобы не причинять боли живым созданиям, и пока шел дальше, плакал от горя и сожаления. Слезы текли у него по щекам, рту, и железные

челюсти заржавели. Когда Дороти о чем-то спросила его, Железный Дровосек не смог ответить. Он очень испугался и начал делать знаки, чтобы Дороти ему помогла. Но девочка ничего не поняла, и Лев тоже ничего не понял. Только Страшила догадался, что нужно делать: он выхватил масленку из корзинки Дороти, смазал Дровосеку челюсти, и тот снова заговорил.

— Пусть это послужит мне уроком,— сказал он. Надо всегда смотреть, куда ступаешь. Если я раздавлю какое-нибудь насекомое, наверняка снова заплачу, челюсти мои заржавеют, и я опять онемею.

Теперь он шел осторожно, не спуская глаз с дороги. И когда заметил муравья, то аккуратно перешагнул через него. Железный Дровосек хорошо знал, что у него нет сердца, и поэтому его постоянно беспокоила одна мысль — как бы не превратиться в бессердечное, жестокое и злое создание.

— У людей есть сердца,— сказал он,— они руководят вами, направляют вас, подсказывают вам не делать ошибок, а у меня нет сердца, и поэтому я должен быть очень осторожен. Когда Оз даст мне сердце, я не буду так много думать о нем.

ПРОЧИТИЕ ДЕТЕМ

VII. ПУТЕШЕСТВИЕ К ВЕЛИКОМУ ОЗУ

В эту ночь им пришлось сделать привал под большим деревом в лесу, потому что домов поблизости не было. Дерево надежно защищало их от непогоды. Железный Дровосек нарубил дров, а Дороти соорудила из них костер, который согревал их и скрашивал одиночество. Девочка и Тото съели последний кусок хлеба и теперь гадали, как быть завтра.

— Если хочешь, — предложил Лев, — я могу задрать для тебя оленя. Ты поджаришь его на костре, как тебе нравится, и у вас будет хороший обед.

— Не надо, пожалуйста, не надо! — воскликнул Железный Дровосек. — Я обязательно расстроюсь, если ты убьешь бедного оленя, и мои челюсти опять заржавеют.

Но Лев все равно отправился в лес на поиски пищи. Никто не знал, какой ужин он там себе устроил, а Лев не стал распространяться об этом. Страшила отыскал ореховое дерево и наполнил корзинку Дороти до краев спелыми орехами. Дороти подумала, что он весьма любезен и предусмотрителен, но искренне расхохоталась над тем, как неуклюже бедняга собирал орехи. Его мягкие руки были настолько неловки, что орехи валялись у него из рук, и, пожалуй, на землю упало их не меньше, чем попало в корзинку. Но Страшила это ничуть не смущало, потому что позволяло обходить костер подальше: он боялся искр, летевших во все стороны, боялся, что одна из них может угодить в солому, и он сгорит. Он отодвинулся от пламени на приличное расстояние и подошел поближе лишь раз, чтобы укрыть Дороти сухими листьями. Девочке было тепло и уютно. Она крепко проспала до утра.

Когда забрезжил рассвет, Дороти умылась родниковой водой и друзья продолжили путь.

День выдался беспокойный. Сначала огромная канава остановила их. Она пересекала дорогу и уходила по обе стороны в лес, насколько хватало глаз. Она была очень широкая, а когда путешественники подползли к краю и заглянули вниз, то увидели, что она еще и необычайно глубока, а дно усеяно острыми камнями. Склоны обрывались так круто, что спуститься вниз не было никакой возможности. В этот момент им показалось, что путешествие закончилось.

— Что нам делать? — в отчаянии спросила Дороти.

— Не представляю, — сказал Железный Дровосек.

Лев потряс лохматой гривой, задумчиво оглядывая друзей. А Страшила добавил:

— Мы не умеем летать, это бесспорно. Не можем мы и спуститься на дно канавы. Значит, мы вынуждены остаться здесь.

— Я думаю, что смогу перепрыгнуть ее, — проговорил Трусливый Лев, прикинув в уме расстояние.

— Тогда все в порядке! — воскликнул Страшила. — Ты перенесешь нас всех на спине, по одному за раз.

— Хорошо, я попытаюсь, — ответил Лев. — Кто первый?

— Я, — провозгласил Страшила. — Если ты не сможешь перепрыгнуть, то Дороти убьется, а Железный Дровосек получит много вмятин, рухнув на камни. А со мной ничего страшного не произойдет.

— Я ужасно боюсь упасть, — сказал Трусливый Лев. — Но делать нечего, надо попробовать. Садись мне на спину. Рискнем.

Страшила оседлал Льва, тот подошел к краю канавы и напрягнулся.

— Почему ты не прыгаешь с разбега? — поинтересовался Страшила.

— Львы никогда не пользуются этим способом, — заявил Лев и прыгнул.

Он рассек воздух и благополучно приземлился по другую сторону канавы. Все несказанно обрадовались, увидев, как легко Лев перемахнул

пропасть. Страшила слез с его спины, и Лев прыгнул обратно.

Дороти переправлялась вслед за Страшилой. Она приняла Тото на руки, села на спину Льву, вцепившись одной рукой в гриву. В следующий момент ей показалось, будто она парит в воздухе. И не успела она ничего понять, как снова очутилась на твердой земле. Затем Лев вернулся в третий раз и перенес Железного Дровосека. Прыжки утомили зверя, он дышал прерывисто и учашенно, задыхаясь, как долго бежавшая собака. Друзья дали ему возможность отдохнуть.

Вскоре путешественники обнаружили, что по эту сторону канавы лес гуще, темнее и мрачнее. Они продолжили путь по дороге из желтого кирпича и все время ожидали, когда же рассеется лесной мрак и появится солнышко. Вдобавок ко всему из глубин леса доносился непонятный шум. Лев прошептал, что эта часть страны заселена Калидахами.

— А кто они такие — Калидахи? — спросила девочка.

— Жуткие звери с туловищами медведей и головами тигров. У них длинные-длинные, острые-острые когти, и эти звери способны разорвать меня надвое так же легко, как я Тото. Я ужасно боюсь Калидахов.

— Неудивительно, — пробормотала Дороти. — Они, должно быть, просто кошмары.

Лев хотел было еще что-то сказать, но тут они вышли к следующей пропасти. На сей раз она была настолько велика, что даже Льву было не под силу перепрыгнуть ее.

Путешественники сели посоветоваться, что делать дальше. Серьезно подумав, Страшила предложил:

— Рядом с канавой растет высокое дерево. Если Железный Дровосек сумеет подрубить его так, чтобы оно упало верхушкой по другую сторону, то мы легко переберемся через пропасть.

— Это хорошая идея, — сказал

Лев. — Я начинаю подозревать, что твоя голова неплохо варит.

Дровосек немедленно приступил к работе. Его топор был остр, движения быстры, и скоро дерево оказалось почти срубленным. Тогда Лев уперся передними лапами в ствол и надавил со всех сил. Дерево упало, зацепившись верхними ветвями за другой край пропасти.

Только они собрались перейти по стволу, как чье-то рычание заставило их оглянуться. Прямо на них неслись два громадных зверя с туловищами медведей и головами тигров.

— Калидахи! — воскликнул Трусливый Лев и задрожал.

— Быстрее! — закричал Страшила. — Перебираемся на другую сторону!

Дороти с Тото перешла первой. За ней — Железный Дровосек, затем Страшила. Лев, хотя и испуганный, повернул морду к Калидахам и испустил такой ужасающий и громоподобный рев, что Дороти вскрикнула, а Страшила свалился на спину. Свирепые звери замерли и изумленно уставились на Льва.

Лев, видя, что противники замешкались, перескочил по дереву через пропасть и обернулся. Калидахи осторожно стали переходить по стволу вслед за путешественниками.

— Мы погибли! — пробормотал Лев. — Они наверняка разорвут нас на кусочки. — И добавил, обращаясь к Дороти: — Прячься за меня! Я буду защищаться до последнего.

— Секундочку! — вмешался Страшила. Ему пришла в голову другая мысль. — Руби дерево! — скомандовал он Железному Дровосеку.

Калидахи были совсем близко, когда Железный Дровосек последним взмахом перерубил ствол у края пропасти. И дерево рухнуло вниз вместе с рычащими чудовищами.

— Здорово! — облегченно выдохнул Лев. — Я уж не думал, что избежну сражения с этими тварями, и мое сердце до сих пор не может упо-

коиться, оно бьется часто-часто...
— Ах,— печально молвил Желез-
ный Дровосек.— Как бы я хотел,
чтобы и у меня билось сердце...

Это последнее приключение заста-
вило путешественников побыстрее по-
кинуть неприветливый лес. Дороти,
устав, перебралась на спину Льва.
Вскоре, к великой радости друзей,
лес поредел, а к полудню они вышли
к широкой реке с сильным течением.
На другом ее берегу вилась дорога
из желтого кирпича, убегаящая
в даль прекрасной страны с зеле-
ными лугами, усыпанными яркими
цветами. Вдоль дороги тянулись
фруктовые деревья.

— Как мы переправимся через
реку? — спросила Дороти.

— Очень легко,— сказал Страши-
ла.— Железный Дровосек построит
нам плот, и мы без забот переплы-
вим на тот берег.

Дровосек вновь взялся за то-
пор, срубил несколько молодых де-
ревьев для плота. Страшила в это

время отыскал на берегу дерево с
поникшими от огромного количест-
ва фруктов ветвями. Оно пришлось
как нельзя кстати, потому что До-
роти ничего не ела сегодня, кроме
орехов.

Для постройки плота потребова-
лось так много времени, что, даже
несмотря на неутомимость и трудо-
любие Железного Дровосека, закон-
чить работу к наступлению ночи
не удалось. Пришлось искать место
для ночлега. Дороти снился Изум-
рудный город, добрый волшебник
Оз, возвращение домой...

VIII. СМЕРТОНОСНОЕ МАКОВОЕ ПОЛЕ

Путешественники проснулись на
рассвете посвежевшими и полными
надежд. Дороти позавтракала перси-
ками и сливами (словно принцесса,
подумала она) — на деревьях у реки
было много этих фруктов. Темный

лес, который они благополучно миновали, остался позади. Перед ними расстилась изумительная солнечная страна, по которой шла дорога в Изумрудный город. Казалось, что путешествие скоро закончится, и остаток пути обещал быть приятным и легким.

Нужно было только пересечь эту широкую реку, что несла свои воды перед друзьями. Вскоре Железный Дровосек закончил плот — ведь работы оставалось совсем немного, и можно было отправляться. Дороти взяла Тото на руки и, легко ступая, прошла на середину плота. За ней сошли с берега Страшила и Железный Дровосек с шестью в руках — чтобы управлять плотом. Когда на бревна ступил Трусливый Лев, они просели под тяжестью, но Страшила и Дровосек, встав на другой конец плота, уравновесили его и оттолкнулись от берега.

Поначалу все шло хорошо. Но едва плот достиг середины реки, как

быстрый поток подхватил его и понес вниз по течению, все дальше и дальше от дороги из желтого кирпича. Шесты уже не доставали до дна.

— Как плохо! — сказал Железный Дровосек. — Если мы не достигнем земли, нас принесет в страну Злой колдуньи Запада. Она превратит нас в рабов.

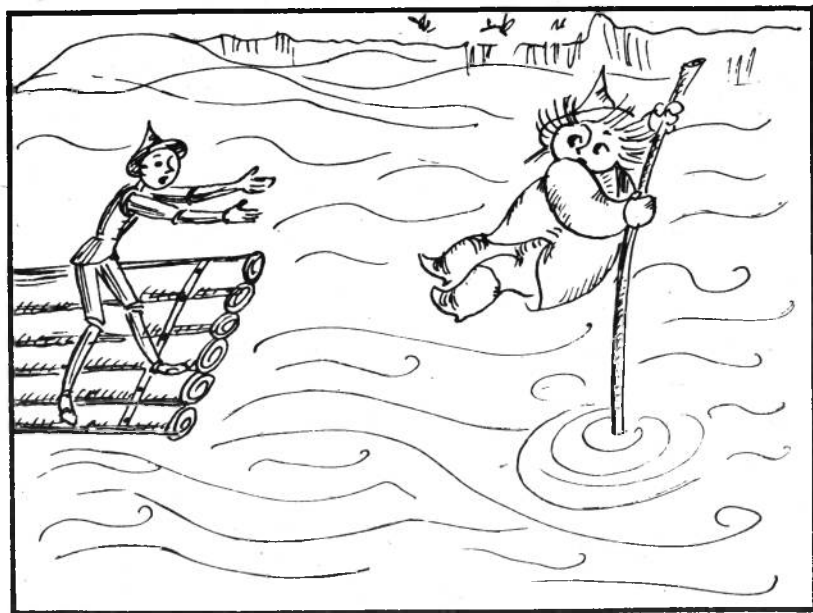
— И я не получу мозгов, — сказал Страшила.

— А я смелости, — сказал Лев.

— А я — сердца, — сказал Железный Дровосек.

— А я никогда не вернусь в Канзас, — сказала Дороти.

— Мы должны добраться до Изумрудного города, — заявил Страшила и ткнул длинным шестом так сильно, что тот прочно застрял в тине на дне реки. Не успел соломенный человек вытащить шест, как плот пронесся мимо, и бедный Страшила остался на середине реки.

— Прощайте! — закричал он дру-
зьям.

Путешественники ужасно расстро-
ились. Железный Дровосек начал
было плакать, но, вспомнив, что
может заржаветь, вытер слезы фар-
туком Дороти.

Положение Страшилы было хуже
некуда.

«Когда я сидел на шесте на пше-
ничном поле, — думал он, — я мог
по крайней мере делать вид, что пу-
гаю ворон. Но посреди реки я не
имею даже такого удовольствия.
Но самое главное — здесь я навер-
няка никогда не получу мозги!»

Течение относило плот все даль-
ше и дальше, а Страшила превра-
щался в маленькую расплывчатую
точечку.

— Надо что-то делать, — сказал
Лев. — Пожалуй, я смогу доплыть
до берега и протаскать за собой
плот, если вы крепко ухватитесь
за кончик моего хвоста.

Он сиганул в воду, а Железный
Дровосек схватился за львиный
хвост, и они медленно направились
к берегу. Это была тяжелая работа
для Льва. Но мало-помалу путе-
шественники выбрались из потока.
Дороти взялась за шест и по мере
сил помогала Льву.

Они вконец вымотались, пока до-
брались до берега и ступили на зе-
леную травку. Да и то, что путе-
шественников снесло далеко от до-
роги из желтого кирпича, ведущей
в Изумрудный город, сил им не при-
бавляло.

— Что нам теперь делать? —
спросил Железный Дровосек у рас-
тянувшегося на траве под солнцем
Льва.

— Мы обязаны вернуться обрат-
но, — сказала Дороти.

— Лучше всего, если мы пойдем
вдоль берега, пока не наткнемся
на нашу дорогу, — заметил Лев.

Когда они отдохнули, Дороти
подняла корзинку, и они отправи-
лись в путь. Солнышко ласково об-

сушило путешественников, окрест-
ные виды радовали глаза. Все было
бы прекрасно, когда бы не мысли
о бедном Страшиле.

Они спешили, как могли, и оста-
новились лишь тогда, когда Желез-
ный Дровосек закричал:

— Смотрите! — Он показывал на
Страшилу, одиноко и печально тор-
чавшего посреди воды.

— Как нам спасти его? — спро-
сила Дороти.

Лев и Железный Дровосек одно-
временно растерянно покачали голо-
вами: они не знали. Усевшись у кро-
мки воды, они пристально смотрели
на своего соломенного друга. Мимо
пролетал Аист, он заметил их и опу-
стился рядом.

— Кто вы и куда идете? — по-
любопытствовал он.

— Меня зовут Дороти, — ответи-
ла девочка. — А это мои друзья,
Железный Дровосек и Трусливый
Лев. Мы идём в Изумрудный город.

— Но это не та дорога, — сказал
Аист, поворачивая клювом из сторо-
ны в сторону и разглядывая стран-
ную компанию.

— Я знаю, — вздохнула Дороти. —
К несчастью, мы потеряли Страши-
лу и теперь думаем, как спасти его.

— Где он? — спросил Аист.

— Вон там, посреди реки, —
ответила девочка.

— Если бы он не был таким
большим и тяжелым, я бы принес
его к вам, — заметил Аист.

— Он ни капельки не тяжелый, —
пылко возразила Дороти. — Он набит
соломой. И если ты перенесешь его
сюда, мы будем тебе безмерно благо-
дарны.

— Хорошо, я попытаюсь, — сказал
Аист. — Но если он окажется слиш-
ком грузным, мне придется бросить
его в воду.

Птица взмыла в воздух и поле-
тела к возвышавшемуся над водой
Страшиле. Крепко ухватив его, Аист
медленно поднялся в воздух и возвра-
тился на берег, где Дороти, Трусли-

вый Лев, Железный Дровосек и Тот, затаив дыхание, ждали его.

Когда Страшила вновь оказался среди друзей, он так обрадовался, что остаток дня напевал на каждом шагу: «Тол-де-ри-дол! Тол-де-ри-дол!»

— Я боялся, что буду торчать на шесте до скончания века, — сказал он. — Добрый Аист спас меня. И когда у меня будут мозги, я разыщу его и отблагодарю от всей души.

— Верно, — сказал Аист, летевший рядом. — Я люблю помогать попавшим в беду, но сейчас я должен лететь — мои птенцы уже заждались меня. Я верю, что вы отыщете Изумрудный город и Великий Оз поможет вам.

— Спасибо! — сказала Дороти. Путешественники шли дальше под пение разноцветных веселых птиц, разглядывали нежные цветы: земля была устлана ими, точно ковром. Белые, желтые, голубые, пурпурные, они радовали глаз.

— Ну, разве это не чудо! — вздыхала девочка. Пряный аромат цветов кружил ей голову.

— Да, чудо, — подхватил Страшила. — Но с мозгами я радовался бы еще больше.

— А я полюблю все это, когда получу сердце, — добавил Железный Дровосек.

— Мне всегда нравились цветы, — сказал Лев. — Они такие беспомощные и хрупкие! В лесу нет таких ярких цветов.

Незаметно окраска цветкового ковра изменилась: то тут, то там появлялись алые маки, их становилось все больше. Еще немного — и путешественники оказались в самом центре бескрайнего макового поля. А ведь известно: аромат маков настолько силен, что может усыпить любого, кто не успеет унести ноги подальше от опасного места. Дороти не знала о страшной силе маков. Она лишь почувствовала, как веки

ее тяжелеют, как нестерпимо хочется спать — с каждым шагом все больше.

— Мы должны спешить, — торопил ее Железный Дровосек, — чтобы до наступления темноты вернуться на дорогу из желтого кирпича.

Страшила согласился с ним. Они продолжали путь, пока Дороти была в состоянии держаться на ногах. Ее глаза на каждом шагу закрывались, и наконец она опустилась на землю и крепко заснула посреди макового поля.

— Что нам делать? — спросил Железный Дровосек.

— Если мы оставим ее, она погибнет, — сказал Лев. — Запах цветов смертелен для всех нас. Я с трудом стою на ногах, а собачка уже уснула.

И правда: Тот прикорнул рядом со своей маленькой хозяйкой. На Страшилу и Железного Дровосека аромат цветов не действовал; они были не из плоти и крови.

— Беги быстрее! — поторопил Страшила Льва. — Ты должен выбраться с этого смертоносного поля как можно быстрее. Девочку мы захватим с собой, а ты слишком велик, чтобы нести тебя.

Лев будто очнулся и рванулся с такой скоростью, что в момент скрылся за стеблями маков.

Страшила и Железный Дровосек положили Тото на колени к Дороти, усадили ее, как на стульчик, на свои руки, сплетенные крест-накрест, и понесли через поле.

Они шли, шли и шли, а ковер из смертоносных цветов все не кончался. Через некоторое время они наткнулись на спящего Льва. Громадный зверь не устоял перед густым ароматом и упал неподалеку от края макового поля, совсем рядом с тем местом, где под свежим ветром колыхалась зеленая трава.

— Мы ничем не можем помочь ему, — опечалился Железный Дровосек. — Он слишком тяжел, нам его

не унести. Быть может, во сне он увидит, что наконец-то получил смелость...

— Жаль, — вздохнул Страшила. — Лев при всей своей трусости был хорошим другом... Ну, пошли.

Они отнесли спящую девочку на полянку у реки, подальше от макового поля, чтобы она не вдыхала ядовитый аромат. Здесь они нежно уложили ее на травку и стали ждать, когда развеются чары сна.

IX. КОРОЛЕВА ПОЛЕВЫХ МЫШЕЙ

— Мы, должно быть, уже недалеко от дороги из желтого кирпича, — заметил Страшила.

Железный Дровосек хотел что-то добавить, и в этот момент раздался низкий протяжный вой. Повернув голову, он увидел дикого кота. Наверное, этот зверь за кем-то охотится, подумал Железный Дровосек, раз

уши у него прижаты, пасть с двумя рядами кривых зубов открыта, а глаза тлеют злобой, словно маленькие угольки. Как только кот приблизился, Железный Дровосек разглядел серую полевую мышку, бегущую перед зверем. Еще один прыжок — и дикий кот съест ее! Железный Дровосек не мог допустить, чтобы погибло такое милое, безобидное создание. Он поднял топор и снес дикому коту голову. Полевая мышка, увидев, что враг повержен, остановилась и, засеменя в сторону Железного Дровосека, пропищала:

— О, благодарю тебя, ты спас мне жизнь!

— Не нужно об этом, прошу вас, — сказал Дровосек. — У меня нет сердца, и тем не менее я стараюсь помочь всем, кто нуждается в помощи, даже если это маленькая мышка.

— Мышка! — возмутилось серое существо. — Я — Королева, Королева полевых мышей!

— Ой! — только и сумел выговорить Дровосек и поклонился.

— Ты совершил великий поступок — спас мне жизнь, — молвила Королева.

В этот момент откуда-то выскочили несколько мышей. Увидив, свою повелительницу живой и здоровой, они пищали наперебой.

— Ох, Ваше Величество, мы уж думали, что вы погибли! Как вам удалось ускользнуть от дикого кота?

Тут мыши так низко склонились к земле, что почти встали на голову.

— Этот смешной Железный Дровосек, — пояснила Королева, — убил дикого кота и спас мне жизнь. Отныне вы должны повиноваться его малейшему желанию.

— Будем повиноваться! — закричали все мыши разом.

А затем прыгнули в разные стороны, потому что проснулся Тот, твякнул от восторга на мышей и прыгнул в самую гущу. Тот обожал пугать мышей и ничего плохого в этом не видел. Но Железный Дровосек схватил его на руки и крепко прижал к себе, призывая мышей вернуться.

Королева высунула голову из-под пучка травы и робко спросила:

— Ты уверең, что он не слопаёт нас?

— Я не позволю, — успокоил их Дровосек, — не бойтесь.

Одна за другой мыши, крадучись, возвращались. Тот больше не лаял. Он попробовал было выпрыгнуть из рук Дровосека, но, получив шлепок, успокоился: песик еще не забыл, что его большой друг сделан из железа.

Наконец, самая крупная мышь подала голос:

— Можем ли мы чем-нибудь помочь тебе в благодарность за то, что ты спас жизнь нашей Королеве?

— Не знаю, — ответил Дровосек.

Но Страшила быстро сказал:

— О, да! Спасите нашего дру-

га, Трусливого Льва. Он заснул на маковом поле.

— Лев! — пискнула маленькая Королева. — Да он сожрет нас всех!

— Нет, — сказал Страшила. — Этот Лев — трус.

— В самом деле? — спросила мышь.

— Он сам так говорит, — ответил Страшила. — И он никогда не причиняет вреда друзьям. Если вы окажете нам услугу и вытащите его с поля, я обещаю — он будет так же добр к вам, как и ко мне.

— Хорошо, — сказала Королева. — Мы верим вам. Что нам делать?

— Много ли подданных у вас?

— Тысячи, — гордо ответила Королева.

— Пусть они явятся сюда и прихватят с собой по веревочке.

Королева обратилась к своей свите и велела им созвать весь серый народец. Едва выслушав приказ, они рванулись выполнять его.

— А теперь, — сказал Страшила Железному Дровосеку, — ты должен пойти к деревьям, что растут на речном берегу, и смастерить тележку для Льва.

Дровосек быстро соорудил платформу из стволов, насадил на оси колеса. Когда появились первые мыши, тележка была уже готова.

Буквально со всех сторон тянулись вереницы мышей: их были сотни, тысячи, больших, маленьких, средних... И каждая держала во рту веревочку. Дороти только что очнулась от глубокого сна и открыла глаза. Она изумилась, обнаружив, что лежит на траве, а вокруг копошатся мыши и робко поглядывают на нее. Страшила рассказал ей обо всех последних событиях, а потом повернулся к маленькой мышинной Королеве:

— Разрешите представить тебе, Дороти, Ее Величество Королеву левых мышей.

Продолжение следует.

«БЫСТРО, НО БЕЗ СПЕШКИ должно внедряться медицинское страхование»,

— считает начальник управления здравоохранения

Иван ПОЗДНЯКОВ

Прочитала статью Владимира Политова «Главный человек — пациент». У меня возник ряд вопросов. Вы пишете, что медицинскую помощь каждый получит. Обязательное страхование своих рабочих будут вести предприятия, а пенсионеров, студентов, инвалидов — государство. А где предприятие возьмет денег для страховки? И где гарантия, что руководители предприятия не сократят тех, кто часто болеет? И где государство возьмет деньги для страховки, если в бюджете не хватает денег даже для выплаты пенсии? В Москве и Петербурге, я слышала, иногородние оплачивают лечение сами. Выходит, если нет денег — оставайся без медицинской помощи... Это тоже страховая медицина?

Л. МИЗГИРЕВА.

г. Вологда.

Подобные вопросы возникают у многих. Что такое медицинское страхование — толком знает пока, к сожалению, мало кто. А знать необходимо: недавно российский парламент решил досрочно ввести в действие Закон о медицинском страховании. Получается, что вот-вот мы все окажемся в совершенно новых условиях, а как себя в них вести?

С просьбой разъяснить ситуацию наш корреспондент обратился к начальнику управления здравоохранения администрации области И. А. ПОЗДНЯКОВУ.

— Иван Анатольевич, закон о медицинском страховании, насколько я знаю, решено ввести в действие с 1 июня. Выходит, уже два месяца он действует — что же изменилось?

— Должен сначала разъяснить: в постановлении Верховного Совета РФ говорится не об обвальном таком, моментальном введении страховой медицины. Речь идет о том, чтобы дать местным органам управления возможность при необходимости и имеющихся условиях самим вводить в действие этот закон досрочно, уже сейчас.

— А для чего такая спешка?

— Это не спешка, а необходимость. Принятый в июне прошлого года закон не содержит в себе экономического механизма введения страховой медицины.

— Но ведь, как я понимаю, закон издается вовсе не для того, чтобы подробно все расписывать по мелочам. В нем содержатся только основные принципы...

— Конечно, суть медицинского страхования законом определена. Она, кстати, вовсе не в том, чтобы сделать медицину платной, как понимают некоторые. Впрочем, бесплатной-то наша медицина и не была никогда: за все каждый из нас платил и раньше — налогами. Только при прежней государственной системе здравоохранения наши налоги шли в общую кассу, а там уже распределялись,

Спонсор раздела — страховая компания «Помощь».

причем исходя не из наших потребностей, а из государственных нужд. Большая часть, сами понимаете, шла на военные расходы, а что останется — на культуру, медицину, образование...

— **Оставалось мало.**

— Вот-вот. Сейчас, кстати, остается еще меньше: раньше на нужды здравоохранения шло около 3,5 процентов валового национального продукта, сейчас — 1,5.

— **Все равно выходит, что платить, если хочешь лечиться, придется самому?**

— Больше, чем сейчас, платить не придется. Речь идет не о введении новых налогов, а о перераспределении сумм, получаемых от существующих.

— **Как я понимаю, досрочное введение в действие закона и должно стимулировать разработку и организацию этого механизма распределения?**

— Вот именно. И делать должны местные власти. Правительство переложило ответственность за это на наши плечи...

— **В постановлении Верховного Совета говорится о том, что местные власти решают, вводить им закон или нет, исходя из своих возможностей. В нашей области — есть такие возможности?**

— Мы думаем, что делать это надо. Чем раньше мы возьмемся за внедрение медицинского страхования, тем лучше.

— **Лучше — кому? Управлению здравоохранения?**

— Да нет, лучше будет всем: и медикам, и, самое главное, — пациентам. Потому что суть обязательного медицинского страхования, повторюсь, — не способ вытянуть из человека деньги за то, что он прежде получал бесплатно. Суть как раз в обратном: обязательное медицинское страхование должно предоставлять равные возможности и миллионеру, и пенсионеру. Если можешь заплатить за дополнительные услуги — плати, но основная медицинская помощь должна быть тебе гарантирована в любом случае.

— **А за счет чего, все-таки, если государство платить не в состоянии?**

— Будет установлена обязательная ставка платежей за каждого работающего — от восьми до двенадцати процентов от фонда оплаты труда. Ставка не для работающих — для работодателей! Так, кстати, во всем мире делается. И деньги, что необходимы для оплаты гарантированных медицинских услуг, будут идти за счет тех, кто больше платит своим работникам.

— **Выходит, опасения нашей читательницы, что ее откажут лечить, окажутся она без денег где-нибудь в другом городе, беспочвенны?**

— Если у нее будет страховой полис, ей обязаны оказывать медицинскую помощь в любом городе России.

— **Но ведь сейчас-то полисов нет ни у кого...**

— Это и порождает всякие перекосы — вроде тех, о которых говорит Л. Мизгирева. Оттягивание ввода в действие закона о медицинском страховании дает возможность неоправданного расширения сферы платной медицины. И потом — ведь не о том же речь, чтобы с завтрашнего дня запретить медикам лечить тех, у кого нет страховки! Медицинское страхование должно внедряться без спешки, постепенно, чтобы не ущемлять ничьих интересов. В конце концов, система государственного здравоохранения — пусть громоздкая, неэффективная — все-таки работала, и выдержала немало ударов. Не разрушать ее надо, а умело встроить в технологию медицинского страхования.

— **Но ведь быстро этого не сделать...**

— Надо делать это быстро, но без спешки. Основательно, продуманно — так, как это делается во всем мире. Все цивилизованные страны приходят к сис-

СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР
Раздел подготовлен при участии
специалистов областного
Центра здоровья

теме медицинского страхования, кто раньше, кто позже... Время показало что это — единственный действенный метод в условиях рыночной экономики. В Голландии, например, страховую медицину начали внедрять четыре года назад, и завершить внедрение планируют не раньше, чем к двухтысячному году. Спешить, торопиться нельзя — но и медлить тоже недопустимо.

— Это как с экономическими реформами: оттягивать — опасно, но и разом всю нашу махину рушить в надежде завтра же возвести новое здание опасно не менее.

— Так ведь медицинское страхование — не само по себе, оно в общей системе реформ: экономических, социальных, политических. Так действовать заставляет нас время везде: без спешки — но и без промедления.

— Вернемся, все-таки, к деньгам. У всех ли предприятий сейчас найдутся деньги на страховку — ведь многим зарплату платить нечем?

— Государство будет выделять средства из бюджета для оплаты медицинского страхования — но это временно. По подсчетам экспертов, нерентабельных предприятий у нас не больше 15 процентов — имею в виду те, что убыточны не только в нынешних условиях, но и в перспективе. Причем предприятия это небольшие, и неподъемной гирей на ногах областного бюджета они не лягут.

Кроме того, планируется ввести налоговые льготы на выплаты по медицинскому страхованию.

— Все-таки, думаю, вопросы у наших читателей еще остались. Каким образом те деньги, что должны будут перечислять предприятия в качестве медицинской страховки, будут попадать в качестве оплаты лечения тех, у кого денег нет?

— Местным Советам разрешено самим устанавливать порядок перечисления и ставки страховых взносов. По нашим расчетам, она должна составлять 9,5—10 процентов фонда оплаты труда. Но ведь вводить сейчас дополнительный налог на предприятия, если даже и есть такое право у местных властей, никак нельзя! Выход — в использовании социальных начислений. Каждое предприятие сейчас перечисляет в бюджет на социальные нужды около 37 процентов к фонду оплаты труда. Далеко не все

эти деньги используются на оплату больничных, на выплату пенсий. Часть их можно было бы использовать на запуск механизма обязательного медицинского страхования.

— Не получится так, что на эти цели пойдут средства, рассчитанные на выплату пенсий?

— Ни в коем случае! Использовать планируется свободные средства, которые сейчас накапливаются на счетах министерства социальной защиты. В скором времени правительство, думаю, примет решение, разрешающее использовать их на нужды обязательного медицинского страхования.

— Наверное, этих средств все же не хватит...

— Разрабатываем программу обязательного медицинского страхования. Планируем создать фонд здравоохранения и фонд медицинского страхования, где будут скапливаться страховые взносы предприятий, чтобы потом можно было из этого фонда направлять средства туда, где это необходимо.

— наших читателей, Иван Анатольевич, больше всего беспокоит наступление платной медицины. Мы привыкли, что государство берет с нас, не спрашивая согласия, и тратит тоже по своему усмотрению. И в этой ситуации возникает опасение, что медики, лишенные государственной поддержки, будут брать деньги за все...

— Я, кстати, — тоже читатель «Лада»...

— И вас это тоже беспокоит?

— Опасения людей я понимаю. В конце концов, зарплата у меня тоже не такая уж по нынешним временам высокая — пять тысяч рублей в месяц. И если придется платить за каждое обращение к врачу — вряд ли семейный бюджет выдержит.

— Но вы все же врач...

— Думаете, буду лечиться сам? Так ведь не все же сам вылечишь... А если серьезно — хочу сказать, что опасения такие хоть и не беспочвенны, но, по моему, несколько преувеличены. Мы сделаем все, чтобы обеспечить оказание медицинской гарантированной помощи каждому жителю области. Каждому — независимо от доходов.

— Не думаете, что слишком уж оптимистичны? Не хочется, чтобы читатели приняли нашу с вами беседу за попытку успокоить их, этакую оче-

редную пропаганду. Раньше, дескать, пропагандировали одно, теперь — другое, а суть-то одна: успокоить, а потом все равно сделать по-своему, без учета потребностей людей...

— Да нет, смысл беседы — разъяснить, а не обмануть. Конечно, никто не даст гарантии, что обойдется без ошибок, без перекосов. Гладко ведь ничего не бывает... А что касается платной медицины — ведь у нас количество платных услуг составляет 2-3 процента общей стоимости медицинского обслуживания. Это мизер, и, мне кажется, не должно быть оснований бояться, что скоро и за вызов «скорой» придется деньги платить. Не придется.

— Но кое за что все-таки платить приходится и сейчас, и в связи с этим у меня такой вопрос: кто устанавливает расценки на медицинские услуги? Сейчас, как я знаю, это делают главные врачи больниц, причем каждый по-своему. Будет ли вестись какое-нибудь регулирование?

— Главные врачи разрабатывают такие расценки, но делается это не с потолка. Контролируют их обоснованность финансовые органы, отделы здравоохранения на местах. Различия неизбежны — но не из-за того, что кому-то захочется «заломить» цену. Будет учтена и квалификация медиков (согласитесь, врач высшей категории заслуживает зарплаты большей, чем фельдшер), и оснащение больниц...

— А сколько будет стоить страховой полис?

— На этот год, по оценкам наших специалистов, — около трех тысяч рублей.

— Но ведь это в нашей области... В других регионах стоимость полиса может быть меньше или, что вероятнее, больше. Попадет человек, скажем, в Вят-

ку, с нашим трехтысячным полисом — как там его будут лечить? Что называется, «по полной программе», — или только на эти три тысячи, которые, может, составляют лишь половину стоимости вятского полиса?

— Законом предусмотрено гарантированное медицинское обслуживание на всей территории России. В Вятке и Вологде стоимость полиса будет скорее всего одинакова. А вот в Магадане она будет выше — другой климатический пояс... Но это — федеральные проблемы, обладателей страховых полисов это волновать не должно.

— Обязательное страхование предусматривает наличие экспертов, чтобы контролировать качество лечения. Есть у нас уже такие комиссии?

— Создаются.

— Насколько мне известно, ведут медицинское страхование — и обязательное, и добровольное — страховые компании. У нас в области их, по-моему, три. Не тесно ли им будет?

— Нисколько. Чтобы провести обязательное страхование всех жителей области, нужны огромные деньги, и средств имеющихся компаний явно не хватит. Пусть они расширяются, увеличивают свою мощность. Может быть, понадобятся дополнительные коммерческие структуры, либо следует создавать государственные страховые структуры. Во всяком случае, мы со страховыми компаниями должны работать вместе.

— Но ведь у вас задачи разные.

— Подходы — разные, а задача одна: наладить медицинское обслуживание. Ну, а что смотрим мы на это дело с разных сторон (мы — с государственной, они с коммерческой), мешать не должно. Это, по-моему, и дает возможность работать, учитывая все точки зрения на проблему. А значит, поможет людям.

С переходом на принципиально новую систему платных медицинских услуг посредством страхования сотрудников предприятий и частных лиц

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ «ПОМОЩЬ»

предлагает организацию
МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

МЫ

ОБЕСПЕЧИВАЕМ:

широкий выбор медицинских услуг в ведущих медицинских учреждениях Вологды и Череповца;

объективный контроль за стоимостью, ассортиментом и качеством медицинских услуг;

лечение за счет средств предприятия, а также частичный возврат неиспользованной страховой суммы.

«Помощь» продолжает также проводить:

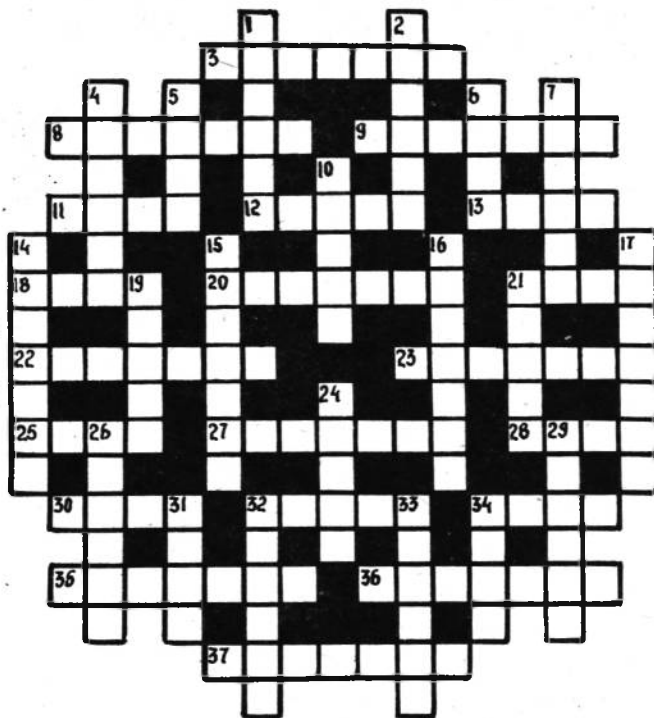
- страхование коммерческих сделок и кредитов;
- страхование жизни,
- страхование перевозимых грузов.

Всю необходимую информацию вы можете получить по адресу:
160029, Вологда, Судоремонтная, 52.
Телефон: (817-22) 4-03-21.

В Череповце к вашим услугам Череповецкая контора «Помощи»:

162610, Череповец, ул. Ленина, 151.
Телефоны: 7-02-52, 7-92-53.
Факс: 7-91-00.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Драгоценный камень. 8. Птица. 9. Пьеса М. Горького. 11. Приток Дуная. 12. Малая планета. 13. Цветок. 18. Хлебный напиток. 20. Душистое вещество, применяемое в пищевой промышленности. 21. Созвездие Южного полушария. 22. Часть математики. 23. Итальянский композитор. 25. Роман И. Тургенева. 27. Самодвижущаяся тележка. 28. Порт на реке Иртыш. 30. Травянистое растение. 32. Вращающаяся часть машин. 34. Вид товара, обладающий определенными качественными признаками. 35. Товарищ по учению или работе. 36. Артист цирка. 37. Балет Л. Делиба.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Персонаж пьесы А. Гладкова «Давным-давно». 2. Половинки плодов абрикоса, высушенные на солнце. 4. Приток Енисея. 5. Роман Ю. Бондарева. 6. Электрический провод. 7. Род фольклора. 10. Химический элемент. 14. Удаленная от центра часть города. 15. Четверть года. 16. Государство в Европе. 17. Вид деко-

ративно-прикладного искусства. 19. Повесть А. Чехова. 21. Одно из основных понятий математики. 24. Средство связи. 26. Одна из главных точек горизонта. 29. Воинское звание. 31. Кровельный материал. 32. Покрой одежды. 33. Летательный аппарат. 34. Крупное наземное животное.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Карамель. 8. Кустанай. 9. Катод. 11. Круиз. 12. Ксенофонт. 15. Климук. 18. Качели. 19. Кутузов. 20. Кеплер. 21. Каскад. 24. Коллинз. 26. Каисса. 27. Крылов. 31. Корнейчук. 33. Катет. 34. Конус. 35. Корчагин. 36. Каникулы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Каракуль. 2. Каноз. 3. Клипсы. 4. Кубань. 5. Капри. 6. Канифоль. 10. Консул. 13. Куплетист. 14. «Кассандра». 16. Кучеров. 17. Комарно. 22. Клевер. 23. Каспаров. 25. «Консуло». 28. Кортик. 29. Курган. 30. Керчь. 32. Кошка.

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРОВИЩА, УТРАЧЕННЫЕ НАВСЕГДА

Е. Юшкова, О. Юшков. Под покровительством святого Корнилия	2
Г. Андреев. Вытегорские портреты	7
Разговор с читателями	10

ДЕТЕКТИВ

Классика жанра	
Д. Хэммет. Несообразность	13
Д. Ричи. Вкус убийства	22
Новое имя	
А. Янковский. Выстрела никто не слышал	24

ЛИТЕРАТУРА УЖАСОВ

Страницы истории	
А. Кудряшов. В лабиринте страха	29
Классика жанра	
В. Джекобс. Обезьянья лапка	32
Х. Лавкрафт. Старик	38
Новое имя	
М. Жаравин. Четыре черных петуха	40

Ю. Богословский. Искушение греха (отрывок из романа)	44
---	----

ПРОЧИТЕ ДЕТЯМ

Л. Ф. Баум. Удивительный волшебник из страны Оз (продолжение)	49
--	----

СЕМЕЙНЫЙ ДОКТОР

« Быстро, но без спешки ». Беседа с начальником управления здравоохранения И. Поздняковым	58
--	----

Кроссворд	63
----------------------------	----

© Перевод с английского рассказов Д. Ричи, В. Джекобса, Х. Лавкрафта, повести Л. Ф. Баума, А. Кудряшов, П. Мухин.

Учредители — трудовой коллектив и первичная организация
Союза журналистов России редакции газеты «Красный Север»

Сдано в набор 29.06.92. Подписано в печать 03.08.92. Формат 60×84/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 16 000. Заказ 1707.
Цена 2 руб. Индекс издания 73666.

ВПО. Областная типография. 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

ДЕЛОВАЯ ВОЛОГДА

- Бизнес : новости и прогноз, биржевые котировки.
- Курсы валют на аукционах, биржах и черном рынке.
- Учетные ставки банков.
- Конъюнктура рынка.
- Сведения о новых компаниях, банках, предприятиях и фирмах.
- Кто банкрот?
- Советы квалифицированных экономических экспертов богатым и бедным, начинающим бизнесменам и предпринимателям со стажем.
- Постановления правительства РФ, решения Администрации области, областного Совета народных депутатов по всем вопросам экономических реформ, финансово-хозяйственной деятельности, информация налоговой инспекции.

Эти и другие полезные сведения вы получите, если будете регулярно читать и выписывать новый еженедельник "Деловая Вологда".

" ДЕЛОВАЯ ВОЛОГДА "
- это газета для деловых людей !

"Деловая Вологда" будет выходить на 8 страницах формата "Вологодской недели". Еженедельник можно выписать в любом почтовом отделении и агентствах "Роспечати" с доставкой с 1 августа и до конца 1992 года. Подписка на месяц стоит 22 рубля, на 5 месяцев - 110 рублей.
Индекс издания 31141.

